

Юля Лемеш
Хранитель времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4364305

Аннотация

Подлость, как и любовь, никогда не бывают одинаковыми, а тут еще странное пространство за таинственной дверью в квартире говнаря Вовы...

Содержание

Часть 1. До	4
Глава 1. Обидели мышку – насрали в норку	4
Глава 2. Первый звонок	6
Глава 3. Дьявол-Дьявол-где-ты-где-ты?	13
Глава 4. За полгода до первого звонка. Говнарь Вова	21
Глава 5. Расторопная сволочь	27
Глава 6. Как жизнь? Мухам нравится	38
Глава 7. Кошачий психоз	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юлия Лемеш

Хранитель времени

Дорога доставляет такую же радость, как и место, в котором она заканчивается.

(Михаил Колодин)

Наша жизнь – это один большой квест-рпг. С нелинейным сюжетом. Мы прокачиваемся, повышаем интеллект книгами, и понижаем любовь алкоголем, сами выбираем следующий поворот сюжета, сражаемся за право продолжать игру, но в конечном итоге встречаем финальные титры и грустную статистику, думая – «а ведь можно было получить результаты получше».

Знакомый геймер.

Часть 1. До

Глава 1. Обидели мышку – насрали в норку

Начало этой необъявленной войны я прошляпила самым бессовестным образом. Виной тому моя поразительная невнимательность, плюс погруженность в проблемы, щедро одобренные беспечностью.

Жила себе почти припеваючи, уверенная в том, что мир относится ко мне если не доброжелательно, то вполне терпимо. Радовалась, дура. Ура-ура я такая милая и в розовых очках и с фотоаппаратом. Ну да, я не разбираюсь в людях, и не люблю когда они разбираются во мне.

Нет, все не так было. В то время, когда начиналась эта история, я заканчивала мучиться одной проблемой – почему мои престарелые родственники умирают исключительно от рака? Засада какая-то. Хоть бы кто-то переломил роковую закономерность и из вредности решился на сердечный приступ, а еще лучше – помер бы во сне от глубокой счастливой старости.

Я была такая запуганная, что все стали на мне срывать накопившееся зло. От их наездов у меня совершенно рухнула уверенность в себе, отчего орать стали все. Даже кассирши, про друзей я даже не говорю. Все огрызались и хамили, как могли. И им это нравилось. А мне – нет.

Меня так пугала эта болезнь, что я даже ее названия боялась. Даже если в гороскопе увижу слово «рак», сразу глаза отводила.

Начала расспрашивать родителей про совсем древних предков и запаниковала. Эта зараза просто помешалась на моем семействе. Только один двоюродный прапрадед исхитрился обмануть рак и был убит в пьяной драке в кабаке. Наверное, он зверски ухмылялся в последние минуты. Прямо в лицо смерти. Я так и вижу – стоит скелет с косой, типа – пора мужик, подышать время пришло, а он в ответ лыбится выбитыми зубами. Как же – обманул заразу. Везунчик. Мне бы так. Но в последнее время все повырождалось, стало незначительным и вторичным, даже кабаков нормальных нет, все по-тихому бытовухой в квартирах занимаются. Нажрутся пива и ну друг друга ножиками резать. Никакого разгуляева, так, чтоб рубаху порвать и скамейкой полкабака разнести. Вообразив себя с лавкой в руках среди пьяных рож, я немного оживилась.

– Не привирай, – осадила меня мама, напомнив, что во время войны большинство мужчин нашего клана героически погибли в боях.

В общем, в итоге долгих размышлений, я почти перестала спать. Впала в панику, за которой последовала глубокая депрессия. Настоящая, без дураков. Именно тогда в тетрадке появилась запись – «я знаю, что не доживу до весны». Даже теперь, у меня при одной мысли тему этой болезни, в груди, четко посередине, появляется плотный сгусток ледяного ужаса. Я не вру.

Но весна пришла, а я была еще жива, а быть живой, тем более, когда воздух пахнет влажной свежестью и ты постоянно ловишь плотоядные взгляды симпатичных мальчиков, не так уж и мало. Тем более что я придумала удачный способ избавления от своих страхов – начала курить. Теперь коварная болезнь имела основательный повод зайти в гости. Ведь все умершие родичи были без вредных привычек. Почти никто не пил и совсем никто не курил. Так что со мной произойдет все по-честному.

Потом мне на глаза попала фотка Парижа. На которой я заметила девчонку, очень похожую на меня. В потрясающих узких брюках, немного длиннее необходимого, в обалденной кепке на рыжих волосах. Скопировав ее одежду и разыскав похожую кепку, я стала совсем счастливая. Хотелось жить. Хотелось наблюдать, как живут другие. Хотелось фотографировать. И если повезет – влюбиться.

В общем, страх немного отступил, дел было невпроворот, настроение с каждым днем становилось все бодрее. И как только мне показалось, что у меня есть некоторые шансы дотянуть лет до семидесяти, тут и подкралось смутное ощущение новой беды. Не имеющей конкретного имени, неотчетливой, но окружившей меня со всех сторон. Я даже поделиться ни с кем не могла своими опасениями. Сто раз открывала рот и вовремя тормозила. Не скажешь же, в самом деле – «у меня плохое предчувствие»? В ответ начнут расспрашивать, а я даже сформулировать ничего не могу. Интуиция? Да кто к ней всерьез относится. Это типа чудачества придурковатых теток, которые только и мечтают как бы привлечь внимание к своей облезлой недопонятой возвышенной особе.

Глава 2. Первый звонок

Вечная проблема жаркого лета – куда запихнуть связку ключей, если собралась покататься на велике? Карман на шортах узкий, а ключи раскорячились, как сволочи. Но настроения мне они не испортили.

Когда я решила, что день удался и жизнь тоже, за моей спиной кто-то тихо, но отчетливо издал длинный вой простуженного волка. Который был бы уместен в полнолуние над глухим таежным лесом, но никак не на лестничной площадке жилого дома.

Перед лицом – железная серая дверь, велик у левой ноги, а за спиной черт знает что. Какие-то скрытые инстинкты заставили меня не спешить, а обернуться очень медленно. Почему тело решило не производить резких движений, я сама не понимала.

У квартиры, что напротив моей, вжавшись спиной в бежево-коричневую стену, выла соседка. Она лет на десять старше меня. Но сейчас выглядела как озверевшая старуха. Руки сжаты в кулаки, как перед боем.

В ответ на мое жизнерадостное «здрасьте!» вой сменился адским шипением.

Скажу честно, я оторопела.

Вот засада. Наверное, это от жары? Более убедительного объяснения в голову мне не пришло. Мы же ни разу не ссорились, даже несколько раз разговаривали о состоянии зубов ее младенца, о внезапных поносах и газиках. Которые ребенок глубокомысленно испускал между пронзительными воплями. В остальное время он пускал слюни, выдувая шикарные пузыри.

Сдуру повторив бодрое «здрасьте» и получив в ответ вытаращенный взгляд полоумной гадюки, я с усилием погасила улыбку. От соседки веяло пельменями и адом. Поймав мой растерянный, пока еще доброжелательный взгляд, она перекосилась и внятно послала меня на три буквы.

– Вам плохо? – перекрывая все рекорды дебилизма, спросила я.

Не удостоив меня ответом, она скрючилась, и так, в согнутом положении, руки скрещены на груди, колченого потопала вверх по душной лестнице. Явно мечтая оказаться на максимально дальнем расстоянии от меня. Мне показалось, что она старалась не дышать.

– До свидания, – автоматически сообщила я лестничным пролетам.

Скажу честно, я не слишком долго задумывалась по поводу соседки. Мало ли что с человеком стряслось? Может ее напугали гопники, или днем наорали в сберкассе, или ребенок как-то по-особенному обоссрался? Что я понимаю в сложном быте матери младенца? Правильно – ничего. Поэтому лучше всего выбросить из головы это столкновение.

Забывать получилось – я торопилась. Меня ждали. А еще нужно было выкатить велосипед, стараясь не покалечить себя, свистнувшись с лестницы. В прошлый раз мне это удалось.

Многим покажется странным – зачем, спрашивается, покупать велик, если тебе его некуда ставить? А вот и неправда. Велику всегда найдется место. Нужно только его поискать. И нет ничего смешного хранить его прямо в комнате. Тем более что у меня их две штуки, а я живу одна.

– Ну что, поехали?

Нестерпимая восхитительная жара, не спадающая даже ночью. Потные одуревшие люди на плавном мягком асфальте. Этим летом я увидела, как цивилизованный человек без сожалений отказывается от приличий и всякого этикета в пользу самосохранения. Зачем брюки, если можно ходить в шортах? К чему шорты, если есть купальные плавки? Ну и да – мужчины теперь ходят по Невскому в плавках и шлепанцах. Вид ошеломительный что спереди, что сзади. Как и у женщин – в сетках вместо маек и платьев. А сколько вееров скрывалось в Питере! В Испании вряд ли больше. Ну, может их там немало, но у нас тоже

хватает. В общем, из одежды одни трусы, зато с веером. И плевать на мнение окружающих, лишь бы выжить.

У меня есть дополнительная причина любить лето. Я зимой фотографировать не умею. Не из-за мороза. Просто количество света уменьшается и фотки получаются нечеткими, мазанными, как ни старайся. Но я научусь. Потом. Обязательно.

Я смотрю на весь этот маскарад глазами собственника. Я присваиваю людей как добычу, делая за день сотни потрясающих снимков. Если из ста фоток десять хорошие – моему счастью нет предела.

Пыльные городские птицы затаились неподалеку от воды. С раскрытыми клювами. Языки наружу. Выжидают позднего вечера, чтобы немного поесть. Только озверевшие воробьи пытаются добывать себе пропитание, двигаясь мелкими судорожными перепрыжками.

На дверях некоторых кафе вместо рекламы – объявления «у нас работает кондиционер». У фонтанов столпотворение. Ноги бомжей полощутся рядом с ножками детей, там же бродят собачьи лапы. И всем плевать, главное – вода и прохлада.

Мне сложно не любить такую погоду. Тем более что никто не знает, как долго она продержится. По слухам, скоро начнется нормальное дождливое лето. По другим прогнозам нас ожидал филиал Сахары и Преисподней в виде тотальных пожаров. Зато и зима будет не холодной. Так по телевизору наврали.

– Ты снова забыла очки?

Вот засада – точно забыла. Сама же только вчера словила жуком по лбу, почти в глаз. И – забыла. Две пары специальных очков дома валяются, блин. Специально подаренные мне для покатушек. У одних – желтые стекла. Я в них вижу сплошной позитив и идиотически улыбаюсь.

Мы катаемся каждый день. Он – даже по два раза. Днем и ночью. Ночью всегда вдвоем. Так интереснее и спокойнее. И всегда есть о чем поговорить.

– Сегодня снова едем вдоль Невы? – на всякий случай спрашивает Дэн.

Его зовут несколько иначе. Но мне привычнее именно это имя.

– Ты только не торопись. Я сегодня совсем дохлая.

По-честному, мы дохлые оба. Глаза красные от экрана ноутов. Дэн рождает текст, важный для науки, а я только что сдала сессию. Оба почти на грани нервного истощения. Я знаю, что у него все будет зашибись как здорово. Но это не мешает ему истерить, если на меня находит желание напоминать, что все будет хорошо. Я понимаю Дэна – у него все поставлено на кон. И ему просто необходимо защитить диссертацию. Привычка быть лучшим – она как кислота вытравливает в мозгу тавро отличника.

Ну и имя он себе выбрал. Не нравится оно мне ни разу.

– Не забывай переключать скорости, – ехидно напоминает Дэн на крутом подъеме.

Это моя великая проблема. Мне сто раз объясняли, для чего существуют передачи и скорости, чертили схемы шестеренок, убеждали, доказывали. Все впустую. Я – тупая. Теряю ход мысли буквально на первой фразе и дальше только делаю вид, что внимательно слушаю. А вот в этом я профи. Слушаю, глядя на собеседника так, что он не замечает непонимания. Преподы всегда попадают на мой внимающий взгляд. Но Дэн не мой препода и прекрасно знает, что на подъеме я снова буду вставать на педали. Он уверен, что я отстану, слезу с велика и поплетусь, ругаясь на инженеров.

Фиг ему – я даже смогла его обогнать!

Начался пригород. Много машин не дают дышать. Мы сворачиваем на вымошенную булыжником кривую улочку, на самом краю высокого берега. По Неве важно движется длинная самоходная баржа. У меня за спиной рюкзак с фотиком. Быстро вытаскиваю его и делаю несколько снимков. Снимки тухлые, ни динамики, ни глубины пространства. Это

потому что берег слишком высокий. От разочарования мне захотелось спрыгнуть в воду и подплыть к барже.

– Дворец на том берегу видишь? Говорят – зампрокурора города.

Дворец огромен, территория как футбольное поле, сарай в виде маяка и еще масса всякой хозяйственной лабуды – наверное, зампрокурора тоже не знает, на кой черт ему все это сдалось.

– А откуда ты знаешь, что это его домик?

– Оттуда, мне Омар сказал, а ему тот, кто землю раздает.

Мне стыдно за зампрокурора. Это ведь неприлично так афишировать свое левое благосостояние. Значит, ему пофигу что мы все о нем думаем. И тут я начинаю сомневаться. Я не могу поверить, что все так фигово в нашем государстве. И вообще – кто такой Омар?

– Будешь врать – волосы во рту вырастут, – на всякий случай предупреждаю я.

Дэн тут же показывает мне язык, специально оскаливая зубы. Однажды мне он с такой рожей приснился, так я орала от страха, честное слово.

От каждого шага на дороге взлетала пыль, делая траву не зеленой. На обочине, свесившись в направлении реки, валялся книжный шкаф, из которого гурьбой вывалились книги. Дюма, Гюго, еще какие-то. Рядом в крапиве – трупы собак. Штук пять, не меньше.

– Не смотри, – Дэн толкает меня рукой в спину.

Торопливо убирая фотик в рюкзак, я замечаю, что с какого-то перепуга жадно вдыхаю воздух, словно рассчитывая унюхать запах разложения.

– Поехали!

Дэну откровенно не нравятся мертвые собаки, а мне хочется понять, почему они умерли. Неужели их кто-то убил? Та, что сверху, белая с рыжими пятнами, выглядит как уснувшая.

– Ну что ты там застряла?

Но я никак не могу уговориться. Подхожу к ближайшей дощатой калитке и настойчиво нажимаю черную кнопку звонка. Трезвона не слышно, но возникает надсадный кашель и звучит все ближе, из-за кошмарных зарослей репейников.

– Чего надо?

Настороженность небритого деда ненамного изменилась, когда он проникся моим ужасом от увиденного. Неохотно выданная информация сводилась к следующему. Соседи решили заработать на собаках. Сколотили вольеры. Купили по дешевке внеплановых азиатских овчарок, которых посадили в тесные клетки. А потом соседи уехали в город. Не то запили, не то некогда им было. В общем, собаки и их щенки издохли от голода и жажды.

– Мудаки, что с них взять? Даже навеса толкового не сделали. А тут солнцепек такой – сама видишь. А я полез к ним, ну чтоб хоть воды налить. А там замки навесные и сетка мелкая.

– Вы бы хоть из лейки, хоть из шланга...

– А оно мне надо? Мне, между прочим, пришлось у дочки жить пару дней, чтоб вой этот не слышать, – хмуро рявкнул дед и, продолжая кашлять, ушел.

– Напалм спасет этот мир, – Дэну тоже было не по себе, но он старался выглядеть обычно.

Мне хотелось кого-нибудь убить, или дом поджечь, или поплакать. Вой умирающих собак каким-то странным образом переплелся с воем моей соседки и от этого на душе стало совсем скверно. В таком настроении я ехала через город, стараясь выгнать картинку мертвых собак из памяти. Дэн понял, что видеть я никого не хочу и поехал к себе. Даже велик не помог затащить.

– Ничего, сейчас фотки посмотрю и успокоюсь, – решила я.

Но буквально через пару секунд забыла про все на свете.

Я тупо стояла перед собственной дверью, держась за руль велосипеда, и не знала, как поступить. Не то сначала заорать. Или сначала поставить велик на подножку, а заорать потом. Напугать весь дом и плевать, что мне за это будет.

Черный резиновый коврик для вытирания обуви кто-то разрезал на куски. Зачем? Для чего? Блииин. Звезда и обрезки. Сатанинского в ней ничего нет. Просто звезда и кучка треугольников.

– Наверное, он сам развалился. Его просто неправильно сделали. Сейчас много делают неправильно. Это все китайцы виноваты, – утешала я сама себя, понимая какой бред я несу.

Какого-то черта я попыталась соединить коврик носком кеда. Получилось не очень. И как только поволокла велик через порог, поняла – напрасно. Мозаика из убитка снова разъехались. Как прощальная ухмылка. Теперь в голове и собаки, и коврик, и соседка слились в одно мерзкое ощущение неотвратимости смерти и меня охватил острый приступ страха.

Велик поставила в комнате. Потом протру его тряпкой, а сейчас надо решиться и избавиться от негодного резинового изделия. Обидно было, между прочим. И непонятно тоже.

Мне почему-то было неприятно брать останки руками, как расчлененку.

Какому дебилоиду потребовалось тащиться ко мне с острым ножом для такого глупого дела? Ведь соседи могут в любой момент выйти на площадку и застукать. И этот кто-то потратил дополнительно пару секунд – чтоб сложить обрезки впритык друг к другу. Чтоб, значит, я начала вытирать ноги, и испугалась. Дело начало попахивать психологией, отчего мне совсем стало не по себе. Ведь и правда, кто-то выругается и забудет, а я именно испугаюсь.

Унеся причину расстройства на помойку, я вдруг огорчилась, что не сфотографировала коврик, надо было выложить снимок в ЖЖ и поспрашивать мнения народа.

Маркел, жутко беспородный пес, охраняющий двор от непрошенных гостей и крыс, приветливо помахал мне хвостом. Он важный, как полковник милиции, но если хочется есть – становится пронырливым как черный риэлтор. Из-за жары бедолага не ел почти неделю, обеспокоив всех жильцов двора. Которые настойчиво пичкали его всякими вкусностями. Пес уныло вздыхал, воротил морду и даже пускал горячую слезу из правого глаза. Левый плакать отказывался. От вынужденной голодухи Маркел отощал до заметных ребер.

– Ты не подохни, а? – он ждал сочувствия, но других слов у меня не нашлось.

Судя по выражению морды, подышать он не собирался. Наверное, если вода есть, собакам природа помогает правильно переносить высокие температуры. Вон, дышит как тяжело, язык вывалил, глаза как у сомнамбулы, но уши ловят каждый звук. Пожалев бедолагу, я принесла ему свежей холодной воды. Напившись, он из благодарности дал подержаться за переднюю лапу.

Пока я вытирала руку, поймала себя на мысли, что мне снова кажется, что я слышу, как кто-то играет на пианино. Или рояле. В общем, на чем-то с клавишами. Маркел слегка насторожил уши. Неужели и он слышит музыку?

– Нет тут ни у кого пианино, – самой себе сказала я.

Иногда сложно признаться – да, я слышу то, чего нет и быть не может. Но это не шизофрения, я точно знаю. Особенно в данном случае. Эту музыку слышу не только я – некоторые соседи про пианино тоже в курсе, однако пока не пришли по ее поводу ни к единому мнению. Пару лет назад это была хроническая тема для споров. Сначала соседи перетирали более реальные проблемы, а когда они были исчерпаны, то кто-то непременно заявлял – «а вот я вчера снова слышал это проклятое пианино». И тут же все наперебой принимались выдвигать самые невероятные версии. В общем, их мнения разошлись, состряпав из жильцов два противоборствующих лагеря. Одни с пеной у рта доказывали – музыка есть. Вторые – поганно ухмылялись, понимая так – типа мы-то давно поняли, что во дворе завелась заразная галлюцинация. И кое-кому пора в дурдом. Самые упертые, ради доказательства выяснили

наверняка – из музыкальных инструментов в нашем дворе и даже в соседних имеется всего одна гитара, что-то ломанное из ударных инструментов и губная гармошка у мальчика в доме через улицу. Все. Никаких роялей и фортепиано с пианинами.

– Да что вы уперлись рогом – наверняка кто-то радио слушает. Культурную программу, – с интонацией «я вынуждена жить среди люмпенов», утверждала отважная дама – любительница Путина и ненавистник нашего губернатора.

– Да ладно! Ответьте – кто именно? Ну, молчите? Мы всех опросили – всем интересно – откуда музыка. Наверное, ваш культурный человек настолько культурен, что не желает разговаривать со всяким быдлом и честно сказать – это я замучил вас гаммами.

– Почему – гаммы? Думайте, что говорите! Это Бах! – кипятилась культурная дама.

– Три Баха и бабаха! Что вы несете, милочка? Это был полонез Агинского! – утверждала самая древняя старуха нашего района по прозвищу Черная графиня.

– Нет! Это был марш Славянки! – слегка выпивший сосед начинал напевать что-то похожее на раздолбайский шансон.

Я слышала Лунную сонату. Иногда какие-то угрожающие громopodobные налеты волн как при шторме – даже не знаю, кто автор такой музыки, но я точно не смогла бы с ним подружиться. Иногда неопознанный музыкант тарабанил чирика-пыжика. Или собачий вальс. Как и на этот раз.

Разрезанный коврик покоился в помойке, а я вслух беседовала с собакой на музыкальные темы.

– Маркел, вставай на задние лапы и танцуй – для тебя играют. Но не задавайся. Он и для блох. Ты в курсе, что его и блошиным вальсом называют?

Блохи явно не обладали музыкальным слухом и укусили пса за основание хвоста. Надеюсь, он выкусил обидчицу.

Вальс продолжал звучать. Негромко, монотонно и с некоторым ехидством. Тупая мелодия. Под нее только блохам и плясать. Или дуракам, ослам или кошкам. Ну да, у нее есть и такие названия.

Представляю – огромный зал, дамы в длинных платьях, кавалеры черт знает в чем. И вдруг громкий голос провозглашает «Полька для дураков. Дамы приглашают кавалеров».

Маркел уgomонился с убийством блохи, зевнул и распластался как цыпленок-табака, пытаюсь охладиться.

– Ну, я пошла, – музыка, казавшаяся бесконечной, вдруг оборвалась на полуфразе.

Теперь оставалось решить кому наябедать о моих неприятностях. Маркел был неплохим слушателем, но в данный момент мне нужен был полноценный диалог. Дома я выбрала сердобольную жертву и набрала номер телефона.

– Представляешь! Какой-то гад порвал мой коврик как тузик грелку! Вот так – хренак и пополам. Точнее – не пополам, а звезду вырезали. Специально! Или он почкованием решил размножиться? Или это инновационные нанотехнологии такие – купил одного, а потом они размножаются? Вот скажи мне – зачем, а?

Дэн не впервые слышал от меня бессвязные вопли и спокойно ждал продолжения. Он не мог не знать, что я просто так злиться не стану. Я чаще всего спокойная как умиротворенный любознательный слон.

– Прими прохладный душ и поспи пару часов. А ночью покатаемся и все обсудим.

Сначала я решила послать его куда подальше со своими советами, но потом решила попробовать и у меня получилось уснуть. У меня есть верный способ для засыпания. Я про приведения думать начинаю. Да нет, с головой у меня все в порядке. Просто те призраки, что обосновались в моей квартире, совершенно не умеют общаться. Точнее – это у меня не получается найти с ним общий язык. Если быть еще точнее – они вообще никак не реагируют на меня. Это бесит. Проще поболтать с рисунком на запотевшем стекле, ей богу.

Придумывая как привлечь внимание призраков, я заснула.

– Дрыхнешь? Вставай-одевайся, я уже тут, – голос Дэна звучал бодро и требовательно.

Поймав себя на мысли, что я отлично выспалась, я торопливо начала собираться для велопрогулки.

Пока ехали через город, поговорить не удалось – мы друг за другом двигались, иначе тут никак. После выезда на пригородную пустынную дорогу, слегка укутанную кисейным туманом, я собралась высказаться, но не знала с чего начать. И еще тишина сбивала с толку – вокруг широкие поля и совершенно безлюдно. Ночной прохлады я не заметила, но гораздо комфортнее, чем дома и совсем не темно. И еще – когда едешь, воздух оказывается прогретым слоями. То горячий, то влажный и очень редко промелькнет слой посвежее, наверное, где-то вода рядом.

Как только я повторила тираду про убиенный коврик, Дэн ловко сумел перевести разговор на историю кофе. Как пить дать – специально подготовился, пока я дрыхла. И еще он меня заинтриговал.

– Сегодня я собираюсь кое что проверить, – намекнул Дэн, не уточнив, что именно, но по его тону я поняла, что сегодня он настроен мистически и к кофе его эксперимент отношения не имеет.

Дэн продолжал медленно крутить педали. Рассказывая увлекательную повесть о том, как ради кофейных зерен один пронырливый дядька, португальский офицер, подло соблазнил жену губернатора, чтоб посеять кофе в Бразилии. Спер зерна и был таков. Нет, определенно мужики – сволочи. И с губернаторшей переспал и изменил историю Бразилии. Знаете, как у них дела сразу наладились? Еще бы – кофе до того был чьей-то монополией.

Почему-то во время рассказа, мне виделась наша тетя Валя, к которой подкатывает молодой демонический Бандерос. И не спрашивайте, почему именно он. И вот он строит ей глазки, а она так мило ему улыбается. А он начинает целовать ей ручку и постепенно подбирается к декольте, в котором спрятан мешочек с кофейными зернами. И как только ему кажется, что сейчас все получится, наша губернатор бьет его коротким прямым в челюсть. В моем воображении Бандерос вылетел из окна Зимнего дворца и лежал на тротуаре, раскинув конечности, как разочарованная жаба.

– Ты чего хихикаешь? – с подозрением в голосе спросил Дэн.

Я рассказала.

– Ну и фантазия у тебя. Странная.

– Сама удивляюсь. Ты давай, дальше рассказывай.

Голландцы поступили практичнее – просто своровали саженцы кофе у арабов. Уволокли на Яву и Цейлон, теперь там сплошные кофейные плантации.

На несколько минут Дэн замолчал, вглядываясь в небо.

– Расскажи еще.

Это я про механику и прочие точные науки ничего не соображаю. А истории слушать могу часами и даже запоминаю почти все, кроме географических названий.

По словам Дэна, французы тоже оказались еще теми шалунами и повторили подвиг голландцев – втупую стырили саженцы. Для меня непонятным оставался только один вопрос – и почему после этого русских считают ворюгами?

– Все. С меня кофе достаточно. Давай свою рогатку, – Дэн поставил велик на подножку.

Ну да, нечего удивляться. У меня есть спортивная рогатка. Из самых простых. Без упора для руки, но тоже ничего. Рогатка – лучшее средство от стресса, уныния, монотонности. Взбадривает. Особенно если пулять по пустой бочке, которая стоит посреди огромного поля. Ночью. Днем тоже эффект будь здоров, но ночью значительно лучше. Мысленно воображая рожи гадов, уморивших собак такой страшной смертью, я пыталась расстрелять

железный бак. Дэн стрелял гораздо лучше. И не хотел объяснить, что я делаю неправильно. Наверное, из мелочной мстительности.

Резинка моей же рогатки все время норовила треснуть меня по пальцам, а камешки падали чуть ли не под ноги. Поорав от негодования, я протянула рогатку Дэну.

– Снаряды давай! – приказал он.

Без всякого огорчения, я занялась сбором камней подходящего размера и конфигурации. Перепачкавшись в придорожной пыли, как поросенок.

– А ты коврик выкинула? Я так и знал. Зря. Надо было рассмотреть, – вдруг заявил Дэн.

Ага. Толку-то рассматривать? Неужели он думает, что по срезу можно определить, чья рука держала скальпель? Как меня раздражает его снисходительная улыбка. Щас как взбешусь. Нет. Не буду. Не хочется.

Глава 3. Дьявол-Дьявол-где-ты-где-ты?

– А что ты собирался проверить? – напомнила я про прежнее намерение Дэна.

И тут он меня здорово удивил. Снял рюкзак. И ну доставать из него очень странные предметы. Сначала – салфетку. Я даже решила, что он прямо тут, на перекрестке будет кушать. Потом вынул половину черной свечи. Какие-то бубенчики. Палочки ароматические. Тетрадку. И еще что-то мелкое – в сумраке не разглядеть.

– Ты что? – ошалело спросила я.

– Дьявола вызывать будем, – специально ледяным голосом сообщил Дэн и зажег свечку, водруженную в центр салфетки.

Добило меня то, что по ее краям были вышиты какие-то странные значки. Я сразу представила, как он их сам вышивал, предвкушая мой ужас.

– На перекрестках вызывают Легбо. Или других духов перекрестка, – мой голос прозвучал неискренне.

Рассказывать, что для меня этот самый Легбо ни разу не явился, я не стала. Сволочь он, мог бы и показаться на минутку. Я ведь очень старалась, угощения ему носила, все делала, как вуду учит, а толку ноль. По-честному, мне теперь непонятно, чтобы я стала делать, если бы он мне явился, пусть даже в виде петуха. Наверное, сказал бы ему «Привет, как дела?». На большее бы у меня ума не хватило.

– Нужно лечь и смотреть в небо, – громко сказал Дэн, поняв, что мои мысли снова шастают черт знает где.

– Тебе надо, ты и ложись в эту грязь. Я не стану. И ты не ложись – вдруг машина поедет и раздавит тебя? Хотя – ложись, пусть раздавит, я тебя вместо коврика у порога положу.

– Не хочешь – не надо. И прекрати болтать – не мешай мне, – Дэн был разочарован.

Похоже, он действительно предполагал, что мы будем возлежать на пыльном перекрестке, вызывая Дьявола. Ну и пусть ворчит – плевать я хотела на его недовольство.

– А на кой ты его вызывать будешь? Выпросить что-то хочешь? – из вредности спросила я.

Отвечать мне не собирались, и я отошла на пару шагов, что поглядеть как оно все произойдет. Если у него получится – хоть Дьявола увижу. Как он попрет Дэна в Ад. Нет. Он посмотрит на Дэна, вот так пожмет плечами и свалит. Нет. Он сначала даст ему подписать договор, чтоб заполучить душу. Вот бедолага – и что он с этой замысловатой душой делать станет? Интересно, он и, правда с рогами и хвостом? Вряд ли. Он весь такой симпатичный, но опасный. Соблазнительный такой. И вонючий. Он ведь из Ада – ему положено сероводородом вонять. Хотя, если он такой многомогущий – с чего бы ему дурно пахнуть? Сейчас не то, что тогда, в средневековье. Небось, носит костюм шикарный и на майбахе ездит. Нет – на роллс-ройсе. Так солиднее. Нет. Ему скорость должна нравиться. На Кенигсеге гоняет. Хотя к чему ему дешевые понты? Он старый. Ему подойдет что-то антикварное. Допотопное. С массивными крыльями, выразительной мордой и кучей хрома.

Совсем рядом глухо вскрикнула сова. Я чуть позвоночник себе не сломала – так вздрогнула. И почему в темноте так слух обостряется? Подняла голову, пытаюсь понять – отчего так темно стало. Небо темное, а должно быть молочно-серым. Наверное, облака собрались, особенно плотные. Как одеяло над полем накинуто.

Дэн, явно стесняясь своих действий, зажег ароматические палочки – комаров тут же поубавилось, и принялся звенеть бубенчиками. Мне даже смеяться расхотелось. Ходит кругами, бормочет и бренчит. Небось, сова просто офигела от такого зрелища.

Свеча умудрилась сделать ночь темнее. Луна брела где-то за лесом, но выглядывать не спешила. Стрекотали сексуально озабоченные кобели кузнечиков. Изредка прерываемые

тихим писком тайных мышей. Дьявол тоже не торопился показываться. Наверное, его бубенчиками не соблазнишь.

Вытерпев минут двадцать, я высказалась.

– Ты бы хоть кровь себе пустил. И позвал бы его погромче, – раздраженно посоветовала я и завывала, – Дьявол-Дьявол-где-ты-где-ты?

Ответа не последовало. Кузнечики наострили свои слуховые органы, которые около попы расположены, оценили степень опасности и дружно заткнулись.

Луна выкинула фортель, просунув единственный луч сквозь далекие деревья, и осветила макушку Дэна, так, что теперь у него волосы стали как нимб.

– Ты теперь как апостол. Или опездэл. Но нимб у тебя супер какой классный!

Дэн злился, считая что я его отвлекаю и паясничая. Он продолжал бессистемно бряцать бубенчиками, трясая их в руках, и медленно входил в состояние прострации. Наверное, процесс пошел как надо – нимба у него уже не было, а вот лицо стало сильно потусторонним. Я решила напугать его, засветить мелким камнем промеж глаз и посмотреть, как он отреагирует. Но не успела – он вдруг кинулся на землю, роя пыль. Даже свеча чуть не погасла.

Ну вот – позвали, и он пришел, пришел и тут же вселился в Дэна. Сейчас освоится в его тощем теле, поймет, что голодный и ринется выгрызть мне горло, чтоб принести в жертву. Но я без боя не дамся. Может, пенделя дать ему да валить с этого перекрестка, пока он не очухался?

Пыль немного осела, но Дэн по-прежнему не вставал с колен. Руки шарили в пыли, и я слышала, как он тихо ругается.

– Ты что ползаешь там? – осторожно поинтересовалась я с безопасного расстояния, но прикидывая, как половчее пнуть тощий зад.

– Тварь косорукая! Кура слеподырная. Лучше бы тебя в детстве удавили!

Не стану я его пинать – вон как озверел, просто обезумел. Пыль снова клубами летела в разные стороны, выбелив лицо и волосы Дэна, отчего он смахивал на потустороннего монстра, извальянного в муке.

– Прекрати обзывать, – я решительно отступала к велику.

Еще пару шагов и он будет совсем рядом. Надеюсь, что у меня скорость будет больше, чем у перевоплощенца.

– Бубенчик посеял. Помоги найти, – стонущим голосом взмолился Дэн, сев на дорогу.

Не зная, смеяться или нет, я поползла рядом. Оказывается, трогать пыль, вперемешку со всяким хламом, довольно занятно. Тактильные ощущения еще те. Пыль – она сначала липнет к пальцам, а потом кажется шелковистой. Даже приятно. Главное – не видишь ничего, только чувствуешь. Ну и чихать охота.

– А как он хоть выглядит, бубенчик твой? – отбрасывая очередной камешек, затесавшийся в пыли, спросила я.

– Не покажу. Тебе нельзя его видеть.

И тут нас осветили фары грузовика. Он сначала далеко был, а потом как-то сразу рядом оказался. Мы едва отпрыгнуть успели. Ноги цапнули колючки придорожной травы, и я выругалась. Грузовик издал оглушительный рев и умчался, обвоняв нас выхлопом. Даже не хочу думать, что про нас подумал водитель.

– Вот тебе и Дьявол, – высказалась я, когда ко мне вернулись слух и зрение.

– Не шути так. Есть вещи, с которыми не стоит шутить.

Вооружившись огарком свечи, Дэн прошелся по дороге, со стоном поднял расплющенный чертов бубенчик. И под мое хихиканье, выбросил его куда-то в поле. За бубенчиком последовали и остальные погремушки.

На этот раз онемели не только кузнечики, но и мыши.

Над полем царила не замутненная тишина. В ушах снова зазвучала музыка. Галлюцинация – в поле рояля точно быть не может.

– Ты ничего не слышишь? – спросила я.

Дэн оглушительно чихнул.

– А что я должен слышать?

Все ясно – музыка только в моей голове.

– А что ты слышала? – обеспокоенность была искренней.

– Демонический смех и призывный вой грешников, – огрызнулась я.

Если я не ошиблась, на рояле играл неловкий ученик, пытаюсь изобразить семь сорок. Эта мелодия катастрофически не соответствовала моменту.

Потом мы торжественно сожгли тетрадь, в которой прежний Дэн записывал свои тайные изыскания. Черная обложка чадила, а красные зашифрованные знаки, пожираемые огнем, извивались как живые.

– Тлен и пепел, – с этим напутствием, Дэн запинал вызывательное имущество в канаву.

После чего торжественно сообщил, что теперь с прошлым покончено. Не знаю, насколько он был серьезен, на лице смесь облегчения и сомнений. Наверняка, теперь ни за что не расскажет, что значило все это представление. Остается подозревать его в тайных ритуалах и коварных мыслях. И он все это делал всерьез, я не сомневаюсь ни минуты. Жаль, что в тетрадку не удалось заглянуть.

Грязь с рук пришлось вытереть об одежду. Пыльное лицо Дэна светилось при луне как фосфорное. Когда он моргал глазами – оно смотрелось как самка покойника. А когда открывал рот – как воплощение вурдалака. Я не выдержала этого зрелища, сняла майку, и пока он ошалело тарачился на меня, вытерла его физиономию. Майку теперь придется стирать, зато не так страшно смотреть на своего лучшего друга.

Растертая в пальцах мелкая ромашка пахла горечью жаркого лета.

На душе установился особенный покой, который запомнится надолго.

Очень хотелось подружиться с совой. Мягкой, теплой, с внимательным взглядом, она будет сидеть у меня на левом плече и иногда покусывать меня за мочку уха, чтоб привлечь внимание, а я буду чувствовать кожей щеки совиные перья и любить ее до слез.

Покинув «наш» перекресток мы чинно покатали навстречу рассвету в сопровождении двух проклятых мышами сов. Которым нужна была лишь дорога и те, кто стремился ее перебежать.

– Странные птицы. Кажется, что у них совершенно нет шеи, а ты становишься старым и скучным как все взрослые, – неожиданно для себя самой заявила я.

– Старым?

– Ну, кто бы сомневался! – обвиняющим голосом обрадовалась я, – Тебя даже не задело, что я назвала тебя скучным!

Дэн поразмыслил. Недолго. Сбросил скорость. Пожевал нижнюю губу. Оскалил зубы. И стал похож на покойника, умершего мучительной смертью. Мерзкая привычка, между прочим. И он точно знает, как меня она бесит. Гадство это – уродовать лицо кошмарными рожами. Состроит харю и вглядывается в меня – наслаждаясь моими вытаращенными от испуга глазами.

– Я вызываю тебя на дуэль, – спокойствие и уверенность меня убедили в том, что Дэн не шутит.

Он остановился на обочине и задумчиво оглядел флору канавы. Выбрал самый крупный прошлогодний камыш. И сломал его. Камыш был похож на мрачный бенгальский огонь громадного размера.

– Ты что, в детстве никогда не дралась на дуэли? – деловито спросил Дэн, отгоняя камышом утренних комаров.

Слишком поздно я сообразила, в чем дело. Решила оторваться на максимальной скорости. Но ветер был не на моей стороне, хотя дул мне в спину. И первый подлый удар по хребту превратил меня в кучу пуха, мчащуюся по дороге. Больно не было, было обидно. Я и не подозревала, что компактный камыш содержит в себе набивку для трех пуховых одеял. И все это богатство досталось мне одной.

Обломав об меня камышину, Дэн азартно метнул ее напоследок как копье. Промаялся. Ну ладно! Сейчас устроим ответные боевые действия.

Интересно, куда девается мое хваленое чувство юмора, когда я становлюсь смешной?

После получасовой драки мы оба были как два йети. Белые и пушистые котэ. Дэн явно поддался, иначе я бы ни за что не добилась такого классного результата.

– Ну, отряхивайся, и поехали домой.

По какой-то странной причине, на нем пух не задерживался, зато ко мне прилип как к родной.

Город дремал. Солнце уже сделало его розовым, отчего он смахивал на нарумянившуюся благородную старуху. Мелкие грузовые машины и утренние автобусы портили приятное впечатление. Компании, отгулявшие ночь, брели как понурые зомби. Одинокий фотограф с лицом аутиста передвигался по кривой траектории, выискивая чтобы такого сфоткать. На форточках окон сидели бесчисленные коты всех мастей и характеров.

По привычке и из любопытства, Дэн проводил меня до самой квартиры. У которой вместо привычного коврика лежал пучок выдранной с корнем крапивы. Чахлой и пыльной. Мертвой, но злой. Скорее всего, его запихали в дверную ручку, а потом он взял да и вывалился.

– Теперь ты сам видишь! – сдавленным шепотом сообщила я.

Мне казалось, что соседи стоят, затаившись, и подслушивают. Прижавшись ушами к замочным скважинам. И сдавленно хихикают.

Отпинав крапиву к стене, Дэн помог мне затащить велик в комнату, приволок свой, и велел ставить чайник.

– Вспоминай. Спокойно подумай, кому ты могла насрать так, чтоб тебя возненавидели?

– Неа. Никому. Ты же знаешь – я не подлая.

Ну, кто б сомневался – он состроил скептическую ухмылку. Вот зараза! А ведь я правду говорю – я не могу специально сделать кому-то гадость. Случайно – да, бывало. Давно. До сих пор стыдно.

– Зато я сама себе напакостить запросто могу. Но тоже – случайно.

– Не кипятись. Я не сомневаюсь, что ты причину не знаешь. И вообще – может, это детишки шалят? Мелкие пакостники. Я сам таким был, – теперь в его голосе дребезжала масса горделивых многозначительных интонаций. – У вас во дворе много школоты?

– Нет ее совсем. Я самая младшая. Ведь младенцы не в счет. Ты бы лучше спросил кто у меня соседи по площадке. Верняк, кто-то из них.

Дэн бдительно контролировал как я завариваю чай. Ритуал был соблюден и он поглядывал на чайник, жалея, что он не прозрачный. У него дома стеклянный заварочник, чтоб медитировать на дрейфующие чайники.

Заподозрить соседей оказалось проще всего, но вот вычислить кто именно не жалеет времени для пакостей, я не могла так сразу. Мне вдруг стало жутко интересно понять, кто способен меня возненавидеть. До недавнего времени для меня понятие ненависть заключалось в плохих мыслях и словах. Таким способом ненавидят многие. Но ведь в моем случае, кому-то моя персона стала до такой степени отвратительна, что он не поленился поискать в центре Питера крапиву.

Ближних соседей было три семьи. Про одних я знала только одно – встают рано, ложатся тоже рано, еще у них есть черный лоснящийся мускулистый кот. Точно не они.

Вторые были мне знакомы гораздо больше. Они дружили с нашей семьей до ее разделения, но как только мои родители развелись, общение свелось к редким вопросам про новую мамину семью. Про папу они не спрашивали, считая его кобелем и злодеем, потому что он бросил маму, чтоб жениться на молодой.

Третьи соседи жили в «нехорошей» квартире. Про которую ходила легенда о призраке толстого городского. Его до сих пор многие видят в белом мундире и форменной фуражке. Версии кончины городского отличались мало – он испугался революции и повесился в спальне. По другой версии – застрелился. Доказательством второго варианта была история нахождения клада. Который случайно выпал во время ремонта из-под подоконника. Портсигар серебряный с совой на крышке, и бляха с гербом, да железка с номером. Было еще письмо, в котором некая Сонечка требовала вернуть ее фотоснимок, грозясь покончить с собой. И сам фотоснимок тоже был – Сонечка губки бантиком, глаза с прищуром и прическа как древесные стружки. Сучка какая-то пронырливая, а не Сонечка.

Я только однажды столкнулась с городовым. Мне тогда лет пять исполнилось, а новогодней ночью я шпионила, глядя в окно, поджидая Деда Мороза. И дико заорала на весь двор от радости, решив, что мне несут подарки, хотя призрак был без мешка. Мама тогда тоже орала. На меня. И зачем-то отпугивала городского своим крестиком, что висел на шее. А мне его жалко было. Мороз на улице, а он одет по-летнему. Стоит такой хорошо заметный на фоне темного подъезда. Был бы он на фоне снега – я бы его не заметила.

– Не Дед Мороз, – пояснила я маме.

И он так жалобно на нас глядел. Прямо мне в глаза. Я хорошо это запомнила. Стоит посреди сугроба, толстый как бегемот в форме и печалится.

Я до сих пор удивляюсь – почему городской умеет видеть наш мир, а мои призраки – нет. Даже завидую соседям, которые плевать на него хотели. Я бы ним точно подружилась. Даже если он говорить не умеет, он ведь знаками мог бы мне показать, что думает.

– И не городской это вовсе. Они нищие были. А этот – в теле, дородный такой. Наверное – городничий, – мнение мамы могло оказаться и справедливым, но на именование призрака не повлияло.

Потом мне попала поэма Эдуарда Багрицко, там наверняка про нашего городского написано:

«Брюхатый, сияющий жирным потом
Городовой.
С утра до отвала
Накачанный водкой, набитый салом...».

А потом, когда я уже взрослее была, то натолкнулась в Питере на памятник городовому, а серьезный старичок, что ошивался поблизости, просветил меня – попасть на эту службу было очень даже непросто. По его словам, городской был ну просто эталон полицейского с хорошей оплатой и пенсией. В общем – завидный жених. Мечта всех кухарок и горничных. Я только одного не поняла – старичок сказал, что у городского из оружия была только картонная сабля. Приврал, наверное.

Все это я и выпалила Дэну, пока мы пили чай, но вовремя притормозила, заметив тщательно изображенную скуку на его красивом лице.

– Ты мне сейчас снова скажешь, что я отвлекаюсь. Ты не прав – я по делу вспоминаю. Тут все важно. Сам подумай – преступление века – коврик порезали и крапива – улика номер два, – теперь мне стало смешно.

Ну конечно, мои неприятности – полная фигня, нелепость, случайность, ошибка. Никто не может желать мне зла. Да и какое это зло? Скорее – шутка. Розыгрыш. Неумный,

конечно. Но ведь совершенно неопасный для жизни и здоровья. А психика у меня крепкая, я и не такое могу пережить. Но Дэн не разделял моего оптимизма и требовал детального отчета по жильцам нашей парадной. Не то из патологического упрямства, не то из привычки все доводить до логического конца.

Кстати говоря, деловитая семья из квартиры городского совершенно наплевательски к нему относилась. Им когда квартиру продавали, рассказали о призраке. Ни мужу, ни жене даже неинтересно было. Обозвали прежних хозяев шизиками, сделали ремонт.

– Пошли вы со своей мистикой, я сам в органах служу, – ну не насмешка ли?

– Ты вдумайся – городской! Почти как домовый. Хорошее слово – лучше милиционера или полицейского, правда? – мне понравилась эта мысль.

– Полиция – от «полис», но не страховой. А милиция от слова – войско, – уточнил Дэн, требуя продолжения реестра соседей.

– Призраки тоже соседи, – укорила его я, но подчинилась, пообещав быть краткой и зная – не получится.

Итак, попытаюсь забыть про приведений. Соседи снизу, прямо подо мной – парочка совершенно мерзких типов, в которых даже я не смогла обнаружить ничего положительного. С такими гадами мы обычно сталкиваемся в госучреждениях и жилконторах, где на нас орут и посылают нах, мы утираемся и топаем домой, но ведь кто-то с ними вынужден постоянно проживать бок о бок. Нет, тут моей фантазии не хватит – сначала оно на тебя орет, а поближе к ночи ползет с нежностями. Ладно, если оба супруга – гниды, ополчившиеся на весь мир. В общем – это я про соседей снизу вспомнила.

– Видел я их, странные какие-то, – согласился Дэн, – подозрительные и склочные, это сразу заметно.

– Ну да, иногда так хочется быть честной и невежливой, но воспитание, блин, не позволяет. А то бы я им высказала все что думаю. Они еще и адепты какой-то таинственной конфессии. Пара зловредных человеконенавистников. Для которых с некоторых пор у меня не находилось не только улыбки но и простого здарсьте. Потому что они и на меня телегу накатали, утверждая, что я ворую лампочки в парадной. Хотя я как раз наоборот их вкручиваю – они часто перегорают.

– Ну тебя, ты как старуха стала говорить, – поморщился Дэн.

– А как тебе их скрежет зубовой по поводу желания расселить наш дом, чтоб хапнуть много квартир сразу? У них там толпа народу прописана, а еще они сто раз говорили, что тут жить невозможно – вокруг быдло и поговорить не с кем, – торжествующе парировала я.

– Ладно, – голосом «ты все преувеличиваешь», – успокоил меня Дэн.

– Нет, я не буду успокаиваться. Знаешь, как они меня задрали? Вот скажи мне – на что они живут? Они же не работают! Только ходят куда-то молиться, но не в церковь. Может, у них клад в квартире был спрятан, они его нашли и теперь проживают богатство? Ну, точно! Они в прошлом году капитальный ремонт окнам делали!

Моя фантазия ускакала вдаль, вот оторванный подоконник, а под ним сундук с несметными драгоценностями, камня так и сверкают разными цветами, – от их блеска я прищурилась, но потом испугалась, что стала как Сонечка со старинного фото и вернула мимику на прежнее место.

Мне бы пара изумрудов точно не помешала. Я бы сережки сделала, мне под цвет глаз изумруды самое то. От рубина я бы тоже не отказалась. Он красный такой, на него можно изредка любоваться. А вдруг там и брильянты были? Хотя опалы мне больше нравятся. Но так классно – найти сундук, открыть его, чтоб непременно при ярком дневном свете, и ахнуть!

– Ты что вытаращилась? Опять что-то выдумываешь? А соседи эти как пить дать твой коврик покоцали. Больше никому, – решил Дэн, подозрительно относившийся к любой религии.

Он иногда даже говорит, что у некоторых началась «религия мозга».

– Вряд ли. Муж – дристливый. Он только письма подметные пишет. Обычный кляузник. А она ненавидит весь мир за то, что ей в мужья достался этот козел беззубый. Я не придумываю, она сама так сказала.

– Тебе виднее. А почему он себе зубы новые не вставит?

– Фиг его знает, может ему нравится, когда рот проветривается.

– Бывает. Ладно, рассказывай дальше и больше не отвлекайся, – сказал Дэн и проверил, осталась ли заварка в чайнике.

Ее не было. Пришлось снова кипятить воду и готовить чай. Он, наверное, ведро выпить может, честное слово. А если с печеньем – то два.

– Этажом выше, прямо надо мной, – я показала рукой в потолок, – Живет одинокая старуха с громкими часами. Про которую я раньше думала, что она фрейлина королевского двора. Это из-за одежды. Она крайне несовременно одевается. Как музейный экспонат. Ребята называли ее Черной графиней, а злые соседи говорили, что от нее моль разлетается. По-честному, иногда так и было. Она шаль набросит на плечи, а моль в разные стороны выпархивает. Я сама видела. А лицо у графини белее молока, и она на нем рисует румянец и глаза синим обводит. Жуть. А еще от нее пахнет чем-то кисло-сладким, как от муравейника. А так – мировая старуха. Не злая ни разу.

Однажды мама рассказала мне ее историю. Оказывается, старуха была не такой допотопной – в начале блокады ей было лет пять. И ее друга съели. Ну, может и не съели, а он просто не дошел до булочной и умер в снегу, но весь двор был уверен, что съели. В общем, старуха так и не вышла замуж. И я решила, что она хранит верность своей первой детской любви.

– У тебя не двор, а скопище историй, – неискренне усмехнулся Дэн.

Это он из зависти. Он в обычной хрущевке живет. Там ничего интересного не происходит и истории квартир куцые. У него даже двора нет – просто промежуток между зданиями. Несколько деревьев – не повод для хвастовства. А у нас одних призраков ну просто тьма. Из дома напротив – целых три штуки. Мальчика, который решил в окно домой залезть, потому что мать пьяная уснула. Он по карнизу пошел, всего второй этаж, а упал неудачно и насмерть разбился. Это уже после войны было. А мать его потом белку словила и тоже вниз башкой об булыжники воткнулась. Теперь они в лунные ночи на карнизе напару сидят, но не близко, наверное, им поговорить не о чем. Если не приглядываться – как живые. Мать в дрянном халате и кофте вязаной. А пацан в коротких брюках и рубашке. Тощие оба. Даже глаза ввалились.

– Ладно, заканчивай свой словесный высер, я тебя знаю – пока не выскажешься, не успокоишься, – позволил Дэн.

Но я видела, что слушает он с интересом. Он вообще все посмертное любит, даже кладбища.

– Но по делу ты пока еще ничего не сказала, – намек меня разозлил. Пришлось увеличить скорость, чтоб меня дослушали.

– В доме слева дореволюционный призрак карточного игрока обитает. Все продул, невесту разорил, а как женился – то и всю семью. Но она его не бросила, жалела, наверное. От чахотки умерла. Графиня как-то сказала – от разбитого сердца. А он потом помыкался, долгов понаделал и решил, что фиг кому что вернет. Отравился, вроде бы.

Говорят, игрок этот все по коридору бродит и бормочет. А иногда в вентиляшку заберется и воет. Жена его исключительно зимой является и то не всем. Только мужчины ее видят.

Говорят – красивая и одета как придворная дама, даже в шляпке. Но у нее привычка есть странная – она то в ванной маячит, то в кладовке вместе с пальто висит, в общем – неожиданный призрак. Если кто ночью вопит – мама всегда говорила – невесту увидел.

Ой, еще одного вспомнила! Дворник-татарин. Он сам помер, но даже мама видела его в полнолуние – двор подметал. А еще он наострился кодовые замки ломать. У нас все говорят – татарин снова замок запер. У него даже излюбленные шутки есть – он не всех жильцов во двор пускает. Особенно, если кто поздно возвращается. А еще мне кажется, что именно он мусор по двору разбрасывает. Специально. А потом, даже посреди бела дня, вдруг подует такой ветер нижний, закрутит мусор и сам соберет его в кучу, Маркел сразу прячется – знает, что тут происходит.

В моей квартире тоже кое-кто появляется, но это секрет.

– Они тебе крапиву подложить не могли. Вывод – ты сама ее положила.

– А коврик?

– Он тебе надоел. И ты просто привлекаешь к себе внимание, – Дэн зевнул с подвыванием, неприлично и явно демонстративно.

– И еще у меня тут случай был странный...

Я рассказала Дэну про воющую соседку с четверного этажа. И как она меня матом послала. На этот раз он выспросил все до мельчайших деталей, хотя там и рассказывать особо нечего.

Когда Дэн ушел, я вдруг подумала – мне с ним просто. Потому как я его не интересую, как и все девушки на свете. Минус только один – у нас похожий вкус. Нам нравятся высокие, деятельные, веселые и творческие личности с длинными волосами. Только мне, в отличие от Дэна, чаще везет на взаимность.

Перед сном я зачем-то проверила почту, посмотрела новости у друзей по контакту, решила, что никакие они мне не друзья, раз не пишут комментов под моими фотками. Написала в графе «Что у Вас нового» философскую мудрость своего знакомого, Вовы – «чем просить и унижаться, лучше стырить и молчать». И здорово удивилась, когда буквально через пару секунд мне ответили, исправили слово «стырить» на другое, Вовино. Наверное, его мудрость была общеизвестной.

Глава 4. За полгода до первого звонка. Говнарь Вова

В душной прокуренной комнате, пропахшей уверенным перегаром, заседали озлобленные великовозрастные говнари. Из какой-то извращенной вежливости, распахнуть окна они посчитали верхом невоспитанности. Мотивируя этот гуманный поступок уважением к соседям. Но на деле причины были иные. Окна не открывались последние лет десять, а хозяин квартиры – Вова, решил, что соседи могут и настучать, учитывая тематику беседы и неспокойные времена. Во всяком случае, он так объяснил свое нежелание впустить в помещение немного относительно свежего воздуха. Говнарям Воино объяснение пришлось по душе. Оно поднимало их самооценку. Ну как же – не просто так выпивают, а о судьбах Родины думают. А вдруг под окнами затаились коварные единороссы, которые жаждут упечь свободлюбивых инакомыслящих в обезьянник?

В тот день двухнедельный процесс жарких обсуждений забрел в тупик. Буквально час назад водка и пиво закончились, а из курева в ход пошло содержимое пепельниц, поголовно спертых из кафе. Для большинства эта квартира показалась бы полным быдلياتником, а для ее обитателей она была осколком рая, но внезапное прекращение бухалова привело к приступу острой коллективной депрессии.

– Вован, друг ты мой сердешный. Разливай, – заначка, добытая с антресолей, аккуратно наполнила пластмассовые стаканчики не первой и даже не третьей свежести.

Отчего таинственные русские души встреपнулись, требуя немедленного очищения.

– Ну, и какая падла мне ответит – прочему мы так ненавидим наше правительство? – прохрипел осипший голос Панка, пожалуй, самого необычного типа из всей компании.

Тишину нарушало звонкое тиканье старого будильника. Все, как замороженные, мысленно отсчитывали секунды, отделяющие вопрос от ответа. Потом, не сговариваясь, установились на гипсовую голову Ленина, водруженную на внушительных размеров тумбочку. Замызганный Ленин сильно смахивал на одного из говнарей, смотрел мертвыми ехидными глазами буддиста и отвечать не собирался.

Скрипнула потертая кожа косухи. Рука дернула молнию на рукаве и оторвала замок. Брошенный на край суповой тарелки, полной килечных скелетов, он пронзительно клацнул.

– Нужно спросить у младенца. Его устами истина глаголет. Я дело говорю, господа философы, – выдав собранию истину, несвежий Панк решительно двинулся к выходу.

Вместо младенца подвернулась я. Шла себе из булочной, с твердым намерением выпить чаю. И больше не налегать на булочки с корицей, от которых можно здорово растолстеть. Размышляя, что если тебе положено около двухсот рублей в день на питание, противопоказано заходить в кондитерские.

– Все, перехожу на каши и овощи, – зная, что клятва будет нарушена, решила я.

И возмездие было мгновенным – на меня во дворе напали пятеро обезумевших говнарей, одетых как допотопные рокеры, первым желанием было удрать. Но, загнанная в угол двора, я была в прямом смысле приперта к стенке. Маркел гавкал неподалеку, не решаясь подойти на расстояние пинка. Я его даже запризирала – тоже мне, защитник!

Они тяжело дышали. Помеченный мужчинами и Маркелом, угол вонял не меньше, чем нападающие. Но насиловать и убивать явно не входило в намерения говнарей. Тогда я решила, что все дело в булочках с корицей и решила без боя не сдаваться.

– Отвечай, малая, за что ты ненавидишь наше правительство?

Красные воспаленные глаза и перегар навевали мысли о коллективной белке. Струхнув, я проиграла в голове все возможные варианты и задумалась.

– Ваше – это типа и мое? – на всякий случай уточнила я.

– Типа того, – ядовито намекая на мое косноязычие, дружелюбно подтвердил Панк.

Я его помнила про прошлым попыткам вступить в отвлеченную дискуссию о мироздании с неизменным комплиментом «а ты ничего, только мелкая».

– Ну, все просто...

– Как же! Ей просто! – этого дядю я знала по неистребимой любви к Кастрл Року и мотоциклам. На которые он являлся в надежде на дармовую выпивку и возможность поведать байкерам про былые времена. В которые у него, как и теперь, не было мотоцикла. Впрочем, теперь от таких как он, прозорливые байкеры отгородились отдаленностью своих мероприятий и дороговизной входных билетов.

– Ты – плевков в супе, не перебивай ребенка, – сияя почти рекламной улыбкой, сказал Панк.

– Так вот. Но это мое мнение. Я их ненавижу, потому что они – глисты.

– Нифигассе завернула! – выпавший из синеватого рта окурок упал четко на носок нечищеного курносого казака.

– Рот ему закройте! Продолжай, ребенок, – дружелюбно успокоил меня Панк, почему-то разглядывая мои ноги в районе коленок.

– Они страну не любят, – торопливо объяснила я, – Они нас за людей не считают. Мне плевать, что они преступники. Но как они могут управлять страной, которую ненавидят?

– А причем тут глисты? – опомнился самый старый щетинистый говнарь.

– При том. Глист может сожрать тело, в котором живет. И они точно так поступают с нами. Они доят нас как корову. Уже и вымя оторвали, а все молока требуют.

Обдумав мои слова, говнари медленно потопали обратно в свое логово. Каждый счел нужным хлопнуть меня по плечу. Теперь придется отстирывать любимую кофточку.

– Раньше говорили «рачительный хозяин». Вот такому правителю я бы обрадовалась, – запоздало пробормотала я, удивляясь своему высказыванию.

– Глисты. Или вампиры. Это одно и то же, – решил Вова, думая о чем-то своем, – И те и другие сосут все полезное до последней капли.

– Ты ошибаешься, брат. Глисты, в отличие от вампиров, являются без приглашения, – уточнил один из говнарей.

Беседа выбралась из тупика и потекла в новом направлении. Все были довольны и глубокомысленны.

– Я же говорил – устами младенца... А на пиво не отслонявишь? – с неумным ехидством, поинтересовался Панк, считая, что я ожидаю именно такого вопроса.

– Нет, – твердо отказала я.

Не потому что жаль. Просто денег не было.

Улыбнувшись, Панк нахально чмокнул меня в макушку, доверительно сообщив «давно хотел это сделать».

– А ты ничего. Правильная, – вместо прощанья высказался Вова.

Сохранив булочки и хорошее настроение, я пошла домой с чувством выполненного долга. Я ужасно люблю объяснять прохожим как им дойти до нужной улицы, а тут почти на политические темы поговорить удалось и мной остались довольны.

В районе макушки сохранилось чужое тепло, вызывая острый приступ эйфории. Буд-то макушку пригревал солнечный луч. Ощущение странное и волнительное. Встрепенувшись, в животе ожили бабочки и испугали меня – я уже и забыла об их существовании. Личность раздвоилась. Бабочки намекали на чувство, а мозг насмехался – это не твой мужчина. До такой степени не твой, что дальше некуда. Обычный говнарь. Только припанкованный с виду.

Следуя указаниям мозга, я старательно усыпила бабочек, но все-равно улыбалась, пока жевала булочку.

Так началась наша дружба с говнарем Вовой. Он меня до сих пор зовет малой (с ударением на «а») или младенцем. В зависимости от настроения, которое у него чаще всего сма-

хивает на прямую линию, где-то внизу, вдали от бурь и волнений. Тем удивительнее видеть всплески эмоций, которые проще исчислять в тротиловом эквиваленте. Правда, меня ни разу не задело – на меня Вова не злился.

В придачу к дружбе, у меня появилось новое место, куда я могу запросто заглядывать в гости. Но только если Вова один или вдвоем с Панком. Прочие говнари меня пугали и даже вызывали грусть – деградация полная, рыбы-прилипалы, без мозгов и высоких устремлений. Зато с предсказуемой целью – выпить и поспорить.

Соседи к нашей дружбе отнеслись с явным подозрением. И поначалу советами достали – типа он – пропащий, а тебя теперь замуж никто не возьмет. Даже участкового вызвали для душевспасительной беседы. Но участковый зарулил к Вове, маленько выпил, а утром навестил меня.

– Школу закончила? Молодец. Ты того, ну этого, сама понимаешь, да?

И вдруг протрезвел на минуту.

– Вован тебя не обидит. Поверь моему опыту, – и жалобно добавил, – Жена ругаться будет.

Вздыхнув глубоко и продолжительно, участковый пошел восвояси. По дороге сообщив соседям, что криминала нет, и он держит руку на пульсе.

Он был прав, я даже не сомневалась – Вова меня не обидит. Учитывая его возраст, он мне в гипотетические отцы годился. Только у таких, детей не может быть по определению. Потому что он сам как ребенок, хотя думает иначе и важничает, подчеркивая насколько он умудреннее жизнью. Обычное взрослое занудство. Зато с Панком не соскучишься. Он тоже старше меня, но зато младше Вовы. Промежуточное звено эволюции – так его Вова обозвал в порыве великодушия.

– Принесла? – неизменный вопрос вместо приветствия.

Входным билетом в логово Вовы является пластмассовая бутылка пива и пачка дешевых сигарет. По праздникам я пыталась притаскивать что-то подороже, но Вова психанул, назвав меня транжирой и почему-то фанфароншей. За подношение мне разрешают послушать винил и вытереть пыль с бюста вождя. С остальных многочисленных предметов я убираю пыль без разрешения под неизменный Пинк Флойд или Ди Пепл, изредка – под Кино. И всего один раз я оказалась на грани вылета из Вовиной берлоги. Когда в ответ на его разглагольствования, высказалась, не подумав, с кем я разговариваю.

– ... страх тоже может стать стимулом. Я вот, например, боюсь много чего. Рака, страданий физических, душевных тоже, что любить меня никто не будет, что наступит новый год, а у меня подарка для мамы нет, старости боюсь...

– Не стоит ее бояться. Если повезет – доживешь лет до ста почти здоровой и даже с умом, – Вова только что утверждал, что страхи управляют человеком, делая его жизни невыносимой, а у самого на морде написано – не боится они ничего.

– Ты не понял. Буду я сидеть у окошка такая вся морщинистая и седая, и подумаю – на кой черт меня родили? Для чего? И стану вспоминать, чего я такого сделала за все прожитые годы? А список окажется коротким. Родилась, жила и помирать пора уже. Вот и все достижения. Получается, что меня ка бы не было вовсе. Прожить впустую – вот чего я боюсь.

Мне нужно было насторожиться, как только Вовины глаза начали наливаться кровью. До того он крайне внимательно слушал и зубы сжимал. Но я не обратила на это никакого внимания. Мало ли что с ним происходит? Может, он пукнуть хочет, да сдерживается изо всех сил.

– Ты хочешь сказать, что я прожил свою жизнь зря? – сухо спросил Вова.

– Я не про тебя говорила. Про себя.

– Нет, драгоценная моя, ты впрямую намекнула, что лучше бы я умер.

И покатилося – слово за слово с креном в обвинения и обиды. Пока Панк не спас ситуацию, высказав свое мнение.

– А че орать-то? Пошли бы да сделали бы что-то хорошее. Хотите, я дом подожгу, а вы меня спасете? Мне вообще фенилэтиламина в организме не хватает, а я страдаю и молчу. Вот помру – вам стыдно будет.

– Это что за херь такая – фени-блин-ламин? – подозрительно осведомился Вова.

Он был готов сорвать зло на ком угодно, но не мог выбрать подходящий объект. Панк вроде бы на этот раз вел себя примерно, а на меня наорать было непедагогично.

– Я щас все объясню. Организм сам собой вырабатывает фенилэтиламин, когда он есть – возникает чувство любви. Но вообще-то это вещество – наркотик. Представь только – отбираешь у народа по грамму этой хрени и все спокойны как слоны. А кто захотел влюбиться – даешь ему таблеточку и он уже поет серенады под чьим-то окном.

– То есть ты хочешь влюбиться, а кто-то свистнул твой фенилэтиламин? – оторопев, спросила я.

– А как же брак, который убивает любовь? – заинтересовался Вова.

– Так и есть – с годами к этой наркоте привыкание происходит. Но бог нас умно придумал. Как только возникает устойчивое привыкание и влюбленности настает каюк, начинают действовать эндорфины. Они нас делают счастливыми и довольными.

Вовин палец нацелился на Панка как дуло пистолета.

– И к чему ты все это мне рассказал?

– Да к тому, что мне никак не удастся дотянуть до перехода из одного состояния в другое.

Мы замолчали. Будильник тикал, отсчитывая драгоценные минуты, ворковали голуби, напичканные фенилэтиламином по самые перья, а я подумала – как хорошо, что скандал утих и Вова на меня больше не злится. Лучше бы он на себя позлился, коли на то пошло – я за него подвиги совершать не стану. Живет как задумчивая тыква и не желает признавать своего овощизма. Приятного, незатратного, но бесцельного до одури. Хотя, в древности философы так и жили. Ни фи́га не делали – думали и рассуждали. Но они своими мыслями мир изменили, а Вова просто так сквозняки языком гоняет. Вон Панк о любви мечтает. А Вова как разряженная батарейка, был бы он аккумулятор – его можно было бы оживить.

– Мир? – сверкая глазами, спросил Панк. – Мир!

Чтоб не мозолить Вова глаза, я ушла побродить по квартире. Как и мне, она досталась Вова от предков, но явно другим путем. Мне иногда кажется, что они попросту померли. Причем одновременно и оптом. Про родителей он не говорил, но в обстановке берлоги ничего не менял. Хотя если быть внимательной – обстановка не допускала мыслей о деловитом отце и домовитой матери, скорее – о затхлой старушке, которая не терпела изменений в среде обитания.

Если вспомнить самое первое впечатление – мне тогда показалось, что я попала в антикварный магазин. Но впечатление развеялось, как только я до кухни добралась. Там все выглядело более чем печально. Это была самая неправильная кухня, которую мне доводилось видеть. Я не шучу. В Питере кухни предназначены не только для приготовления пищи. Они – особый мир, почти ритуальный. Но только не Вовина.

На полках теснились пустые стеклянные банки, в некоторых умирала манная крупа, вперемешку с жучками. Допотопный овальный холодильник трясся, как Титаник при виде айсберга, но в отличие от Титаника ни мяса, ни сокровищ в нем не наблюдалось. Клеенка на столе потеряла рисунок и напоминала изнанку холста старинной картины. Мне все время казалось, если приглядишься, то поймешь, что же там было нарисовано. Но пока ни разу не получилось.

– На твоей кухне разговаривать неохота. Дрянь, а не кухня. В ней души нет.

– Ой, какие мы нежные. Может, мне в сортире библиотеку еще организовать?

Не понимая, причем тут сортир, совмещенный с библиотекой, я обиделась.

– А разговаривать нужно и должно в гостиной, – примирительно уточнил Вова.

Ну как же! Пойди, пойми, где у него эта самая гостиная. Наверное, та комната, что побольше, в которой сам Вова заседает. Комнат у него всего две с половиной, большая и очень маленькая, и повсюду расставлены огромные шкафы, этажерки, тумбочки и скрипучие стулья. Полкомнаты – это помещение без окна. Точнее – окно там есть – его кто-то нарисовал красками. Довольно убедительно получилось. Белые рамы, просторные зеленые луга и синее небо, в котором парят пофигические носатые чайки. На двери нарисован корабль, летящий по волнам под крики все тех же чаек. Похоже, у художника была тенденция относительно этих хохочущих птиц.

Пыльный уют дополняли ковры, Вова величал их персидским наследием совка. Еще были какие-то странные штуки, о предназначении которые я могу только догадываться – останки аппаратуры для рок-группы. Мертвые напрочь. Но Вова все грозит их наладить и довести до ума, при этом обзывая шмурдяком. Иногда Панк подкрадывался к большому барабану и нажимал на какую-то скверную педаль, издавая звук падения дохлого голубя с крыши. Вова неизменно орал из «гостиной» – откажу от дома! Верхом наглости было треснуть палочкой по медным, но почерневшим от тоски, тарелкам. Тогда ураганоподобный Вова мог поймать и треснуть по черепу.

Ко всему прочему, у Вовы имелась достойная коллекция пластинок. С малознакомыми мне рок-группами. И он убьет любого, кто посмеет без разрешения дотронуться хоть до одного конверта. Я не шучу. А еще у Вовы были лишние коридоры, соединяющие все помещения в запутанный угловатый лабиринт. Пожалуй, у него жилого помещения было значительно меньше коридоров. В самом дальнем, тупиковом – дверь. Запертая на висячий амбарный замок. И мне очень хотелось посмотреть, что за ней скрывается.

– Там кладовка, – сердито огрызнулся Вова каждый раз, когда я приставала с расспросами.

– Врать стыдно, – а что я еще могла ему сказать?

Пыталась даже в замочную скважину подглядеть – да ничего не увидела, как ни старалась. Но мне упорно казалось, что внутри кто-то есть и этот кто-то знает о моем присутствии у порога. И его интерес ко мне не менее жадный. Но пока мы были равны – дверь открыть было невозможно.

Кроме пива и сигарет Вова нуждался только в одном. Временами ему был необходим новый слушатель. Пусть даже такой непросвещенный как я. Он часами мог говорить про гибель России, про высокую смертность и низкую рождаемость, хотя плевать хотел на то и другое. Говорил про экономику, которой тоже место на кладбище. И про тотальную социальную несправедливость. На самом деле его беспокоило что-то другое, я же видела – нет в нем азарта. Прикидывается ради споров, ругается, но не от души. Это становилось заметнее, если речь шла о классике рок-музыки. Тут он по-настоящему горел.

– Музыка – это майский день, – многозначительная пауза, восторженная дрожь в голосе, – Именины сердца.

Знаем мы откуда эти слова. Мы это дело в школе проходили. Но Вова не Манилов. До такой степени, что дальше некуда. Хотя – оба сидели и мечтали, но по-разному. Не удержавшись, я задала вопрос.

– А душами ты, случаем, не торгуешь?

Вова плотно сжал губы и нехорошо сощурил глаза. Ответа я так и не дождалась.

Панк решил скрасить напряженность перлом «Ты называешь меня говнюком. Да, я все время бухой», утверждая, что сам придумал. Врет. Я точно знаю. Это Шнур написал. Хотя, такие слова можно случайно подслушать чуть ли не в каждом дворе.

Примерно с дня нашего знакомства, Вова поэтапно изгнал из своего коридорного рая почти всех говнарей, оставив лишь Панка «для бодрости души».

– Еще бы. Иначе бы ты стал махровым мизантропом, одичал и разговаривать разучился, – Панк был и честен и прав.

Вова с ним не согласился и обвинил Панка в раболепном поклонении великому прошлому «классики рока». И они начали ссориться и даже матом ругались прямо при мне. Аргументы летали как пули во время перестрелки, пока не докатились до акций арт-группы Война.

Историю с мосто-членом все знают, как и про дворцовый переворот. Но эти говнари каким боком к подвигам Войны? А послушаешь – прямо сейчас оторвут свои вонючие задницы от табуреток и тоже вытворят что-то обалденное. Кишка у них тонка. Только и могут языком чесать, да пиво пить. Хотя, Панк он такой, он может вытворить все, что угодно. Если захочет и будет нужное настроение. Пока Вовины друзья были еще не выдворены, они меня немного стеснялись поначалу. А как привыкли, начали изучать как существо из другой реальности. И каждый норовил заняться моим перевоспитанием. Спиртного и сигарет не предлагали, понимая, что от Вовы можно здорово схлопотать за такие дела. Каждый решил, что мне просто непременно дать один универсальный совет на всю жизнь. Типа – опасайся людей с длинными носами. Шучу. Советы были более практичными и не менее бесполезными. Поскольку я не вела беспорядочного образа жизни, не собиралась портить расу браком с таджиком, не ела по ночам колбасу и помидоры, не гоняла на машине, не верила телевизору и газетам. По-моему я все перечислила. Из всего услышано я получила только одно наставление, которое мне хоть когда-то могло пригодиться – если не можешь дать сдачи – беги.

Когда Панку и Вове становилось скучно, они начали ради развлечения придумывать мне прозвища. Они называли меня по-разному. Иногда даже «продуктом секретных лабораторий ЦРУ» и утверждали, что по моей вине разлагается российское государство. Иногда – «недоразумением» и «кошмарное будущим», но чаще всего – младенцем.

Поговорка «укуси мою косуху» мне запомнилась, хотя ее смысла мне никто объяснить не захотел.

Глава 5. Расторопная сволочь

На следующее утро, после начала необъявленной войны, мне стало обидно. Ну, за что меня можно возненавидеть? Правильно – не за что. Я хорошая, честное слово. Вежливая. Никому не мешаю. Вон Вова, он весь двор задолбал своими пьянками. У него в прошлом чуть ли не каждый день диспуты и драки были. У нас слышимость дикая. Любой звук усиливается стенами, словно дома, вставшие четырехугольником, состарились и оглохли, а чтоб слышнее было, подговорили эхо, чтоб даже крысячий писк звучал громче голоса Монсеррат Кабалье. Та стена, в которой Вовины окна, она самая дурацкая – совсем близко к соседнему дому. Узкий простенок, в который даже Маркел не заходил чтоб пописать. Собаки вообще избегают узкого тупикового пространства. В общем, в Вовину комнату солнце только в полдень заглядывает и то летом. Я сама видела – на полу световой треугольник, который довольно быстро уползает к подоконнику и тогда Вова ласково ему говорит:

– Да пошел ты.

В общем, утро было так себе, если не считать отличной погоды. Решив не беспокоить опохмеляющегося Вову своим визитом, я осторожно приоткрыла дверь – новой крапивы не было. Наверное, мальчишки похулиганили, да и отстали. Или их к бабушке в деревню отослали. Но все-таки было бы классно их подловить, схватить за потные уши и напинать по мятному месту. Мечь – она будоражит и делает ум предприимчивым.

У меня созрел замечательный план. Я взяла табурет, недочитанную книжку и села у самой двери. Вот, думаю, как славно – чуть что, я сразу как выскочу и как обнаружу злоумышленника. Некстати вспомнилось, что для начала неплохо помыться и позавтракать. Пришлось на целых полчаса оставить дверь без присмотра.

Еще раз открыла – ничего.

Сижу такая умная, книжку читаю, Голдинга, «Повелитель мух» называется, жду. А на улице лето. И хочется погулять, пофотографировать, позагорать, искупаться. И купить пару бутылок лимонада. И мороженого, чтоб в морозилку не зря лазить. Решила – ну кому я нужна? Пошла переодеваться. Минут двадцать на сборы потратила. Оттолкнула рукой входную дверь. Толкнула велик. И услышала странный хруст. Стекланный такой. Почти срежет.

– Твою мать! – я буквально зывал от бешенства.

Какая-то расторопная сволочь исхитрилась расположить кучку битого зеркала прямо на моем пути. Разбитое зеркало – верная примета несчастья. Это всем известно. Прабабка моя утверждала, что опаснее всего тому, кто его кокнул – вся поганая энергия, накопленная раньше, выстреливает в того, кто рядом. Но она сама зеркал не била, зато, когда умерла – огромное напольное зеркало само собой развалилось на много кусков. И еда не обезглавило моего папашу. Который как раз проверял, нет ли в раме золотых червонцев.

Зеркальные остроугольники ртутно поблескивали на лестничной площадке. Некоторые лежали вниз лицом и выглядели черными. Между ними клочковато топорщились кусочки бумаги, на которой было что-то написано. Гелевой черной ручкой.

Колесо велика дотронулось до острого длинного жала, но не прокололось.

Минуту спустя я металась как ошпаренная кошка, ненавидя приметы и того, кто специально решил испортить мне судьбу. Самое смешное – когда прабабка мне нарасказывала про зеркала страшных историй, я перво-наперво проверила, что будет, если после полуночи поглядеться в зеркало. Мне тогда всего лет семь было. Обещанная встреча с чертом не состоялась, а прабабка кисло усмехнулась – теперь, мол, где-то мой двойник бродит в потустороннем мире. И я поняла, что зеркало – это тупой удваиватель, не более того.

Верить в приметы или нет, но кошки все-равно на душе скребут. Да и убрать осколки нужно. Веник с трудом заталкивал зеркальные скальпели в совок. Было непросто, но я не захотела руками брать даже крупные куски.

Ключки бумажки я сочла незначительными. Попыталась вчитаться в разрозненные слога. Вроде бы что-то медицинское. «Диаг» – наверняка был диагнозом, потому что я отыскала вторую половину слова. Если так – то «венери» должно быть – чем-то венерическим.

– Ясное дело, – прозорливо решила я, – Тот, кто кокнул зеркало, был венерическим больным, завернул осколки в справку из поликлиники, а потом...

Тут я запуталась. Вообразила, как некто осторожно, чтоб не издавать звяканья стекла, водружает мне подарочек, а потом из вредности рвет на мелкие куски то, в чем нес битое зеркало.

– Точно, так и было, он – психопат, а они непредсказуемые, – полюбив себя за ум и догадливость, подумала я.

Так и пошла, довольная собой, с совком в руках к контейнеру. Предполагая, что сейчас встречу кого-то из соседей и наябедаю на злодея.

– Видал что деется? – Маркел на вопрос не ответил и выказал явное неудовольствие отсутствием колбасы в совке.

Он тянулся его обнюхать, но я не позволила – нос порежет, дурак такой.

– Правильно. Ничего страшного не произошло. Просто недополовозрелые мальчишки откуда-то взялись на мою голову и решили меня посадировать. Это все из-за моей любви к странной одежде. Наверное. Наверняка.

И тут я вспомнила, что как раз летом меня не тянет одеваться вызывающе. В жару самое то – топик и шорты. Как у половины городских девушек, которые любят кататься на велосипедах.

Но слово «жара» меня привело в неплохое настроение. Жара – это то, что мне откровенно нравится. Я холод не люблю. И ветер – если холодно. Меня даже кондиционеры раздражают – потому как дуют специально на меня.

– Все. К черту приметы. Вот сейчас поеду и искупаюсь. А что, мне можно, я заслужила. Сессия позади. Только один раз в универе нужно показаться. А впереди столько безоблачных дней.

Наверное, в машинах было гораздо прохладней – судя по лицам водителей. Климат-контролей понаставили, а я тут на велике потом истекаю. И ехать-то недалеко, но спина уже мокрая как после душа. Бац – по ноге треснула пустая сигаретная пачка, выброшенная из пожилой иномарки, на капоте которой скалилась нарисованная летучая мышь. От перепуга я отшатнулась и едва не влетела в автобусный зад.

– Козел! – обычно я так не ругаюсь.

Козлистый водитель вильнул вправо, наверное, чтоб получше меня слышать. И протер бок машины об мою ногу. Получилась заметная пошарпанность на загорелой коже. Не больно, но меня сдвинуло к самому поребрику, а правая педаль цапанула за ограждение.

– Ты что творишь, сволочь? – мой вопрос угодил прямо в лицо того, кто метнул в меня пачкой.

Равнодушное самодовольное лицо пресыщенного жизнью бабуина, который нацепил белые трусы.

Решив, что лучше всего побыть без него – я решила подождать, пока этот гад не уедет.

– Засада какая-то, – автомобиль, покрытый прошлогодней пылью, двигаться не собирався. Водителя я видеть не могла, и оставалось только негодовать и надеяться, что сигналящие сзади машины вскоре спасут меня от обидчика.

На кед мне вытряхнули пепельницу. Судя по ногтям – водитель – девушка, которой нравится черный лак.

Ей пришлось перегнуться через пассажира в белых трусах, и он недовольно пробурчал что-то невежливое.

Меня почти испугала эта рука, тонкая, бледная как рыбе брюхо, она мелькнула, обгадила мне кед и убралась.

– Поехали, что ли? – пассажир, не глядя на меня, закурил новую сигарету.

Его не послушались. Хотя перед нами полоса была свободна. Разгневанные задержкой машины гудели, кричали и издавали пронзительные вопли.

Зажатая между автомобилем и ограждением, я практически не могла двигаться. Решив, что с меня на сегодня дураков достаточно, выудила из рюкзака бутылку со Швепсом и попыталась бесовски вылить его прямо в салон. Пассажир энергично дергался и хватался то за бутылку, то за меня и едва не стащил шорты. Сверкать голой попой не хотелось – пришлось уворачиваться и шипеть Швепсом менее прицельно.

Мы все пузырились – машина, пассажир и я. Водитель лезла в окно. Черные явно крашенные волосы, мокрая такая. Попытка порвать на моей ноге кожу к успеху не привела только потому, что я принялась бить ее по когтям бутылкой.

Меня выручили кеды, мягкие, джинсовые, в другой обуви я бы ни за что не смогла выдернуть ногу.

– Обтекайте, дураки траурные, – теперь я была за ограждением.

Осталось выволить велик. И в этом мне помог какой-то дядя.

– Я все видел. Они сами виноваты, – азартно сообщил он и ввязался в перепалку с моими обидчиками.

За моей спиной теперь голосили а ля трио.

По тротуару ездить неправильно, даже невежливо, но иначе было никак. Оглядываться не было никакого желания.

Взревел двигатель. Добрый дяденька теперь вопил благим матом. Машина стартуя, издала визгливый звук.

– Хрен теперь вы меня догоните, – злорадно сказала я сама себе.

Этот район мне знаком. Двор. Поворот налево. Кривой промежуток между домами. Посреди – двухэтажное заброшенное здание. Справа – стройка. Пыль коромыслом и яростный звук отбойного молотка. Робкий бомж, сидя прямо на асфальте, вдумчиво рассматривает свои ноги. Поворот направо – сквонзьяк – три проходных двора, для машин непригодные.

Теперь можно сбросить скорость и успокоиться. На лодыжке – царапины, машиной оставленные, в которые попала грязь. Вот заразы – загар испортили. Теперь до следующего года буду с белыми полосками на ноге ходить.

Липкая. Злая. Почти агрессивная. А ведь хотелось порадовать себя. Утешиться.

Так кипятилась, что не заметила, как город стал окраиной. И сразу повеселела. Мне стало плевать на все машины оптом и в розницу. Я знала куда еду, зачем еду и ехать мне нравилось. Буду загорать и купаться. И никакие дураки мне не посмеют испортить настроение. Вот так!

Песок казался и был грязным. Без полотенца-покрывала не обойтись. И еще – на пляже оказалось людей больше чем на Дворцовой площади во время Алых парусов. С трудом отыскав своих знакомых, я услышала недружное «Ааа», означающее как мне все рады. Особенно Никусь, которая выглядела самцов и заранее истекала соком. Значит, ее бой-френд снова отчалил в командировку. Сейчас начнет бродить, роняя очки, оттопыривая задницу, надеясь таким нехитрым способом завязать пляжное знакомство, перетекающее в кратковременный бурный секс. И как она не боится подхватить какую-нибудь заразу? Я ее спросила об этом, но в ответ получила взгляд, полный жгучей злобы. Пристальный такой. Как гвоздь в крышку гроба.

– Суперский купальник, где купила?

Это Санечка. Чудный человек, с прической как пипидастр, а вместо руки – гипсовый шлагбаум. Я не шучу. У нее какой-то сложный перелом верхней конечности. И она теперь стала опасная как помесь шлагбаума с тараном. У ее тетки – Шурика, появилась новая шутка. Он дожидается, пока Санечка начнет с кем-то увлеченно разговаривать, подкрадывается сзади и громко спрашивает:

– Что?

Санечка автоматически поворачивается, сбивая собеседника гипсом. Пока никто серьезно не пострадал.

– Блина, ты посмотри – снова проколы воспалились, – у Санечки на лице пирсинга как опят на пне. Нет – она красивая, даже очень, но железо стало для нее как зависимость у курильщика. Сначала предвкушает, потом обсуждает со всеми, потом следует этап – вы правы и я не буду делать третий прокол на брови, ну и дальше все как всегда – делает. На солнце железки посверкивают, как заклепки на ремне старого рокера.

– Ты к врачу не обращалась? – я вижу, что вокруг каждого прокола алеет нездоровая краснота.

– А то. Но что он мне может посоветовать? Я и сама все знаю, это все из-за погоды – как похолодает, пройдет.

Ей виднее. Она все-все про пирсинг на своей шкуре изучила. Она даже не фоткается теперь, потому как на снимках железки смотрятся или как прыщи, или как блики. От такого портрета шизануться можно, ей богу. Зато она одевается как лорд. Это не я придумала – это она сама так говорит, у нее даже фрак есть. И куча всяких супер – элегантных вещей. Которые больше подходят мужчине. Такой у нее стиль.

– Лучше я теперь татушку сделаю. Одну. Маленькую. Как у тебя.

– Не заливай. Сначала одну, потом вторую, а остановишься, когда только нос прежним останется.

– Брось! Ты зануда. Ты прям как моя мама. Ворчишь и пугаешь, – Санечка мечтательно вздыхает.

Могу поспорить на что угодно, что я права, но толку-то от моей правоты? И самое главное – каждый имеет право делать то, что считает нужным. Потому как это его жизнь и его закидоны никому не вредят. Я, например, не курю, если дым может попасть в чужие легкие. Самой страшно какая я молодец.

– Девчонки, давайте взбодримся, – Шурик приволок с собой энергетики.

И уже оприходовал пару баночек. Не знаю, что в них намешано, но взгляд у него как у психованного эльфа.

– Да пошел ты. Сам травись, – отвечаем мы хором.

Шурик называет меня своей подругой. Врет. Никакой он мне не друг, хотя знакомы мы чуть ли не с первого класса. У него масса недостатков, с которыми я примиряться не собираюсь. Например – у него все чужие дела называются «потом сделаю». Он только своими делами занят. А еще жулик он и сплетник. Хотя временами его злой язык оказывается даже забавным, если подколки не направлены на меня. И еще он просто помешан на всем дорогом, брендовом и креативном. Если кто купит что-то фирменное – сразу подбежит, чтоб заценить и высказаться. Когда покупка стоящая – завидует по-черному. Просто лицом сереет.

Про Шурика я могу много чего рассказать. Но ограничусь двумя историями. Когда нам было по восемь лет, на меня напала охота сделать что-то полезно-хорошее. Например, ходить с совком и веником за взрослыми, которые бросают мусор на площади. Шурик принялся мне помогать. А когда я собралась домой, довольная выполненной работой, показал мне горсть денег. Оказывается, он все время приставал к мусорщикам, за которыми я окурки собирала, с требованием «дать рубль» за труды. И некоторые ему давали. История вторая – сбор интересных книжек для несчастного родственника, который безвылазно сидит дома

и умирает от неизлечимой болезни. Конечно, никакого родственника в помине не было, а Шурик все добытое в магазин старой книги сдавал. И вот что интересно – когда его уличали и осуждали, ему не стыдно было, ему было смешно.

Сначала я тщательно намазалась кремом. Из совсем нового флакончика. Мне пообещали, что теперь коже ничто не угрожает. Крем противный, но что не сделаешь ради здоровья и красивого загара.

– Спинку намазать? – деловито предложил Шурик.

Ему плевать на мою спину, но он знает, что все сочтут его действия сексуальными, а помощь мне можно счесть за услугу. Просто так фиг бы он что кому сделал.

– Валяй, – почему бы и не согласиться, раз он сам напросился?

Шурик хмыкнул, после внимательного прочтения надписей на креме. Выдавил каплю и намазал свой нос.

Его руки скользили по моей спине торопливыми движениями, сноровисто и равнодушно, как по неодушевленному предмету. Мне даже показалось, что ему неприятно до меня дотрагиваться. Звонкий и излишне сильный шлепок по попе означал завершение процедуры.

– Дурак, больно же! – мое возмущение вызвало ядовитый смешок у Никусь.

Похоже, что ее охота за кобелями сегодня оказалась безуспешной и она медленно закипала, выбирая на ком бы сорвать злость.

– Вы в курсе, что в Эстонии можно покупать спиртное даже ночью? – громко сообщил Шурик.

Он явно желал привлечь к себе как можно больше внимания.

– Неа. Странно, да? Вроде как там тоже пьяниц хватает. Наверное, у них нет запретов? – пытаюсь понять, в чем подвох, – ответила я.

– Запреты есть, – азартно возразил Шурик, – На то они и нужны, чтоб их нарушать.

– Ну тебя. Так народ законопослушный. Они даже загодя в партизаны записываются, на случай если наши танки из Пскова на них в атаку пойдут.

– Партизанам тоже выпить охота. Особенно ночью. Но официально – нельзя. Вот они и придумали давать алкоголь на прокат под стопроцентный залог, – Шурик сиял от счастья, заметив, что к его словам многие прислушиваются.

На обдумывание у меня ушло не меньше пяти минут.

– Офигеть! – вклинивается в разговор Никусь, – Чистят генофонд. У меня так друг умер...

Последние слова она добавляет почти всегда в разговорах на около-политические темы.

Разомлев от дикой жары, я надолго забыла о неприятностях. Я обо всем забыла. Особенно после диких воплей, накрывших пляж как цунами.

– А чего это было?

– Собачка, – предовольным голосом объяснил Шурик.

Пришлось встать, перешагивая через разнокалиберные ноги загорающих, дойти до воды и посмотреть. Собачка была или упитанная или несвежая. И качалась на мелких волнах совсем неподалеку от берега.

– Вот и купайся теперь, – злобно порычала толстуха, руки в боки, и слишком открытым гламурном купальнике.

– А вчера тут парень утонул, я сам видел, – геройским голосом сообщил незнакомый дядька с волосатой спиной.

Народ загомонил, наслаждаясь новым впечатлением. Все смотрели на собаку жадными взорами и неестественно изображали возмущение. Конечно, тут же выяснилось, что во всем виновата Матвиенко. Ну как же – она самолично каждое утро сворачивает собакам шеи и мечет их в воду.

Шурик уже выбрался из толпы и разговаривал с кем-то по телефону. Почему-то украдкой поглядывая на меня. И взгляд у него был какой-то не такой, неприятный взгляд как у преступника.

Я помогла Санечке улечься и даже почесала ей кожу у краев гипса. Слегка. Чтоб она успокоилась. Санечку очень раздражало, что проходящие мимо норовили перешагнуть через ее закованную руку. Опускали взгляд вниз, чтобы извиниться, рассматривали заклепанное лицо и уходили молча.

– Хамство так и прет, – печально высказалась она.

В России без заборов никак, если не огорожено – значит, всеобщее. Пришлось найти несколько сухих веток и устроить вокруг Санечкиного гипса подобие забора. Теперь люди подходили, на лице появлялись признаки осмысленности и, сказав «а», шли в обход.

Я лежала, повернув голову, чтоб видеть Санечку. Но видела не только ее. На песке оказалась тьма всякой живой природы. По-моему, даже блохи были. И какие-то шустрые козявки, занятые броуновским движением. Я их сфотографировала, жалея, что у меня нет нужного объектива. А вот предложение Шурика сфоткать заодно и собачку меня взбесило.

Решив, что с меня хватит радостей пляжной жизни, я засобиралась домой.

– Вот фигня – а где мой новый красивый загар? – мое удивление обрадовало Шурика.

Он явно ждал этой минуты и заготовил проникновенную речь.

– Ты инструкцию читала? Ну, конечно, не читала. Вот дурында, видит плохо, а очками так и не обзавелась. А надо было.

– По башке настучу, – предупредила я.

– Там написано – что крем противозагарный, – подло заржал Шурик.

Он тут же ринулся сообщать всем желающим, как я лопухнулась. Вот гад. Мог бы и раньше предупредить. Ко всему прочему, кожа стала липкая, а мыться в местах упокоения собачки я не решилась.

Сев на раскаленный велик, я мысленно ругалась на подлого Шурика, на свое плохое зрение, даже на погоду ругалась, хотя она мне недавно нравилась. Пока добралась – к крему налипло пыли, а кожа стала как бархат. С заметными подтеками. И царапины тоже настроения не добавляли.

В родном переулке царило безвременье и стояла идеальная тишина. Которую я нарушила, въехав под арку дома. Там вместо асфальта сохранилась булыжная мостовая. Велик звучал как телега, груженная гайками. Искоса глянула налево – проверить, нет ли Вовы у окна. Иногда мне не хочется его видеть.

Квадратный двор напоминал протвиль в духовке. Я знаю, что нужно говорить «противень», но по-честному, у меня нет ни одного знакомого, кто правильно называет эту фигню для выпечки.

Моя парадная находилась по диагонали слева. Три ступеньки вверх. Но если проехать прямо, то можно попасть в узкое пространство за домом, огороженное высокой кирпичной стеной, в котором слева с незапамятных времен стоит одноэтажная прачечная. А справа придулился крохотный домик. Я, когда маленькая была, думала, что в нем живет гномий дед. Потом решила, что там кроме домового на эту конуру никто не позарится. Подходила, прислушивалась – точно, кричат, и звякает чем-то. Ради дружелюбия – совала карамель ему в трещину на углу. Конфеты исчезали, а дружить со мной домовый так и не начал. А потом выяснилось, что этот домик из какого-то послевоенного мусора, построили для хранения дров. А совсем недавно предприимчивая прыткая соседка захватила и облагородила строение. Теперь там ненужные вещи гноит и они тоже кричат и звякают.

– Люди, ау, – шепотом сказала я пространству.

Ну да, я трусила, боялась подойти к собственной двери. Мерещились мокрые волосы, прилепленные к дверной ручке. Или собачья шерсть. С запахом. Или еще что погаже. Я в

книжке какой-то читала про убийцу, который мазал дверную ручку ядом. Вдруг и мне намажут? А у меня даже перчаток нет.

– Перчатки лишними не будут.

Ловкий разворот и я снова в переулке. Пара минут и вот он – магазин для садоводов. Велик не оставишь – вмиг сопрут. Да и народу на Садовой – не протолкнешься. На меня уже много раз поругались – мешаю, не положено тротуар занимать.

Магазин пользовался популярностью, но приятных лиц мало. Выращивание овощных культур наложило отпечаток воинственности и даже некоторой склочности. Пришлось довольствоваться первой незлобной огородницей и воззвать к ее сердобольности. Деньги стали товаром, причем, меня вооружили парой перчаток для стекольщика, гениальное изобретение. На нитки налита желто-красная резина – настоящий предохранитель от яда. Я так тетеньке и сказала – теперь мне смерть не страшна.

– И запомните, дорогая моя, яды – вещь в нашем деле почти незаменимая, но банку с керосином еще никто не отменял, а еще можно заманить их на пиво, ну а потом керосин и огонь.

В ее глазах не было кроважанных всполохов, скорее – спокойствие главы инквизиции.

Оплатив покупку, я воспряла духом. Интересно, а о ком тетенька говорила? Не о хулиганах, наверное.

Перчатки я нацепила сразу. На загорелых руках они смотрелись почти симпатично. И за руль держаться удобно. Надо будет потом еще одну пару купить, пальцы отрезать и в них кататься.

На этот раз тишина переулка была неестественной, почти противной. Словно он затаился в предвкушении моего истерического крика. Не дожدهшься! Все стерплю молча.

Из соображений конспирации, на этот раз я шла пешком рядом с великом, стараясь не шуметь. Вовы по-прежнему не было.

Я смотрела вокруг, словно видела все впервые. По-честному, наш двор вполне мог претендовать на самое нелепое строение в городе. Настолько все тут бессмысленно и неправильно спланировано. И квартиры кривые напрочь. Когда-то они были на одну семью, не богатую, но с достатком. А потом их разделили для люмпенов. А потом в дом слева попала бомба. И немцам пришлось его выстраивать заново. Но первоначальная кривизна пространства так и осталась загогулистой как игрушка-лабиринт, в которой нужно загнать маленький железный шарик в серединку. Но мне наш двор нравился. Я даже иногда сама себе завидовала, что здесь живу.

Мимо пробежал Маркел, довольно внятно пукая, наверное, сожрал что-то несвежее. Интересно, где он гадит? Не поеду за ним. Больно надо.

Обгрызенные ногами ступеньки. Никакой прохлады на лестнице, только мухи, скрывающиеся от жары.

Как я и предполагала – меня ждал сюрприз. В виде черного креста нарисованного прямо на двери. Скорее всего – куском старого гуталина. Крест был нарисован человеком, который обладал немалой силой и водил гуталином, вкладывая всю ненависть ко мне. На полу осталось много черных крошек. Специально размазанных ногой. Следы вели к ступенькам. Словно неизвестный мне злоумышленник хотел намекнуть – я вышел из дома. Из любопытства я приставила свою ногу к самому четкому следу. Моя – на несколько размеров меньше.

Вспомнив советы Дэна, я не поленилась сфотографировать дверь с крестом.

Гуталин оттираться не хотел. Пришлось отмывать его мокрой тряпкой. Долго. Вдобавок ко всему какая-то тварь отключила воду. И теперь я была не только злая и грязная. Я была просто в бешенстве.

Оттерев пальцы салфеткой, позвонила Дэну. Хотела попроситься в гости. Хотя заранее была уверена – и на этот раз не пригласит. Такой характер. Ко мне – да хоть каждый день, а я у него не была ни разу.

– Я занят. Но могу через полчаса зайти.

Вот спасибо-то. На меня сейчас без слез не глянешь. Не хотелось показываться в таком состоянии и виде даже ему. И тут, словно услышав мои мольбы, добрые водопроводные боги снова включили воду.

– Приходи, но через час, – пробурчала я и, срывая одежду, ринулась в душ.

Вытиралась, стоя на кухне и поглядывая в окно. Такая вот привычка дурацкая. От одиночества, наверное. Но мне кажется, что в окошках маячат только тупые бабы и кошмарные старушки, поэтому подглядываю украдкой. Это глупо, но я всегда так поступаю. Если совсем честно, эта привычка появилась от большой любви. Год назад я простояла у окна очень долго. Даже не знаю сколько дней. Ждала одного человека. Но он так и не пришел, а привычка осталась.

К парадной подкатил знакомый велик. В смысле – знакомый велосипедист на велике. Тощие оба.

Прытко кинулась искать хоть какую-то одежду. Нашла длинную футболку с нарисованной совой. Сейчас и в ней будет жарко как в шубе, но ничего другого под руку не подвернулось.

Теперь в комнате два велика, интимно прислоненные друг к другу. Мой – грязнее.

– Сплетничать про нас будут, – понимающе усмехается Дэн, поймав мой взгляд.

– Жаль, что мой лесопед потом мне все про тебя не расскажет, – по-честному, мы хотелось бы побольше знать о Дэне.

Пока я расставляла чашки, он медитировал над заварным чайником. От которого уже доносится странный запах. У нас так принято. Чай покупает Дэн. Для него это и ритуал и возможность приобщить меня к необычным тонким вкусам настоящего чая. Я только самый простой чай покупаю. На другой просто нет денег. Иногда меня это безденежье просто задирает, честное слово. И так бесит, когда видишь, на какую ерунду некоторые тратят деньги. Ну, просто классово-сословные бури в душе случаются, ей богу. Я не про Дэна – он из моего сословия – нищих, и это нас временно объединяет. У него в планах разбогатеть и стать аристократом, ценителем искусства в виде антиквариата, а я плыву по течению как довольная какашка и выдающихся планов не строю.

Не удержавшись, я рассказала про крест и продемонстрировала фотку.

– А я-то думаю, почему у тебя траур под ногтями. И не забывай снимать, когда тебе еще что-то нарисуют или подбросят.

Поймав мой настороженный взгляд, Дэн утешительным тоном прибавил:

– Кто-то перепутал адрес и вредит вовсе не тебе. Но ты все равно фоткой и мне снимки скидывай, если дело дойдет до криминала – будет что показать ментам.

– Вот успокоил, – вытирая мокрые волосы, обозлилась я.

Почему-то его лицо в тот момент было как у свидетеля на допросе в ментовке. Ну, типа, меня уже мелом обвели, а он вспоминает все подозрительные эпизоды, стараясь выглядеть максимально честным, что б его не заподозрили в убийстве. Не пойму я его – неужели ему фиолетово, что со мной происходит? Я так и сказала – плевать тебе на мои неприятности! И до кучи рассказала про машину, на которой мышь летучая нарисована была. В подробностях. Но он мало впечатлился. Сказал только, что дураков хватает, а мне надо было быть осмотрительнее. Но ему понравилось, что я швецса в салон налила.

Ближе к вечеру, перед новой поездкой на великах, меня настигло неожиданное испытание в виде каверзного вопроса.

– Ну-ка вспоминай, кому в душу нагадила.

Думала я недолго.

– Фигня. Я могу ляпнуть что-то не подумав. И тут же извиниться, если вижу, что человек обиделся. У меня был только один противный случай. Я тебе про него рассказывала. Ну, когда одна девочка вдруг решила со мной дружить, выведала все секреты и разболтала кому могла.

Это давно было. Я тогда не знала, как мне в класс войти. Все смеялись. Переглядывались и хихикали. Мы же тогда маленькие были совсем. Дэн мне похожий случай про себя поведал. Но ему тяжелее было. Он уже в десятом классе учился и секреты у него были не чета моим. В общем, у него все было гораздо страшнее.

– Три вещи никогда не возвращаются обратно – время, слово, возможность, – глубоко-мысленно сообщил Дэн с видом завязтого гуру.

– Умный, да? И что это изречение означает? Что я паскудно состарюсь, наговорю кучу глупостей и упущу все возможности?

– Ну, нельзя же воспринимать все сказанное на свой личный счет?

Передо мной лист бумаги, мне нечего на нем написать, рука сама выводит затейливые кракозябры. Как узор на морозном стекле. Неуверенно я вывожу слово – мама.

– Мама не будет бегать и гадить под моей дверью. Маму вычеркиваем.

Дэн пожимает плечами.

– У папы новая счастливая семья. Он про меня даже в новый год не вспоминает.

На лице Дэна возникает скука.

– Еще есть пара девчонок, которым не нравится, как на меня мальчишки реагируют. Простая бабская зависть...

Нарисовала двух девчонок и зачеркнула.

Вообще-то, я ответственный человек. Сказали – вспомни, я буду стараться. Но тут хоть устарайся – не получается.

– Хочешь совет? Ты сейчас про это не думай совсем. У тебя ноль фактов. И я знаю, что коварно ты никого не подставляла. Посмотрим, что будет потом.

– Это как?

– А так. Я останусь у тебя на пару дней. На обратной дороге заедем ко мне, я пару носков прихватчу.

Не скажу, что меня обрадовала перспектива перестать быть одинокой. Но вдвоем было спокойнее. Носков Дэн не прихватил, но приволок целый пакет кремов для всяких частей тела, шампунь, кондиционер, гель, маску, лосьон, ароматические свечи, витамины, йогурты, причиндалы для маникюра, специальную зубную пасту и щетку с моторчиком.

Щетка меня доконала окончательно.

– Я всегда хотела увидеть человека, который способен купить такую фигогу, – Дэн не разделил мою радость.

– Это очень хорошая зубная щетка, – скрипя клыками, объяснил Дэн, не решаясь продолжать полемику.

– Не сомневаюсь. Но знаешь, как я впервые про нее узнала? В книжке Аэропорт Хейли есть такой эпизод – тетка платит дикие деньги за самую дорогую страховку, потому что призом за нее будет вот эта самая зубная щетка.

Мне не удалось донести соль этого эпизода. Он в том, что глупее что-то вряд ли можно придумать.

– Тебе что, трудно руками пошевелить, чтоб зубы почистить.

– Ты ничего не понимаешь.

– Еще раз услышу этот ответ и убью твою драгоценную зубную чистилку.

Поругаться не получилось. Он меня отвлек полемикой на тему глажки постельного белья. Он уверял меня, что это пустая трата времени. Постирал, посушил и стели. Само

разгладится. Аристократ фигов на мятом белье! Даже жаль что у меня все поглажено. Смять что ли?

Дэн отказался от одеяла, накрылся идеально выглаженной простыней и, зевнув, пожелал мне спокойной ночи. Я слышала, как он ворочается, привыкая к новому месту.

Во сне мне приснилось, что меня грозят уволить с работы. Которая заключалась в бритье мягких игрушек. Держа в руках огромного малинового кролика, я унижалась, упрашивая дать мне испытательный срок. Незнакомая стервозная тетка кричала на меня как на преступника. Кролик был на ощупь как теплый велюр и я аккуратно выбривала ему затылок, умоляя злую тетку не отбирать у меня зарплату.

Последствия сна были знакомыми – слезы, нежелание произносить хоть слово. У меня каждый раз так, когда на меня орут – внутри появляется плотная такая штука, которая меня затыкает. И как только попытаешься заговорить – ревешь как дура и ничего поделывать не можешь. Такая фигня очень в школе мешала жить. Училка наорет, а я замолкаю. Я хочу ей ответить, или тем, кто меня успокоить решил, но не могу. Как пробка в горле. Как клапан. Часов на пять, не меньше. Иногда помогает зарыдать в голос. Но от этого лицо становится кошмарнее не бывает. И тогда я посмотрюсь в зеркало и снова плакать начинаю.

Перевернув мокрую от слез подушку, я отдышалась, порадовалась, что разговаривать не с кем и попробовала снова уснуть.

Около пяти утра наш двор словно взорвался от оглушительного грохота. Наверное, все соседи проснулись и кинулись смотреть, что случилось. Я даже про теракт подумала. Но это был всего-навсего огромный темно-зеленый бак, который метнули в Панка.

– Я больше не будуууу, – провыл его иступленный голос.

Наверное, Панка застукали за прикосновением к винилу и Вовино добродушие сменилось озверением.

– У меня бабушка в таком баке белье кипятила, а я все боялся, что в нем варят детей, если они проказничают, – сонно заметил Дэн и пошлепал босыми ногами досматривать сон.

Вова, покачиваясь, маячил в дверном проеме парадной. Которая и не парадная вовсе, а бывший черный выход для голытьбы.

Панк с трудом поднялся, потер коленку, подцепил рукой скороварку для непослушных детишек, и поволок ее по неровному асфальту, извлекая таким образом пронзительный скрежет. Маркел влетел во двор, досрочно прекратив прогулку, и принялся визгливо лаять.

– Правильно. Не будешь, – Вова отделился от дверного проема.

Подошел вразвалку к Панку и вдруг проворно надел ему бак на голову. После чего принялся колотить по днищу кулаками. Попутно пиная Панка ногой в тощее мягкое место.

Грохот, вой и лай звучали вполне джазово. Соседи поняли, что выспаться им не удастся и азартно кидались в возмутителей спокойствия окаменевшей землей из цветочных ящиков. Для усиления звукового эффекта заорал случайно травмированный кот.

Удаляясь походкой утомленного короля, Вова обернулся, отвесил публике довольно изящный поклон.

– Мы призваны в мир разрушать традиции и создавать новые пути. Цитата. Аверченко. Шутка мецената. Всем рекомендую прочитать. Хотя ни хрена вы не поймете, – печально провозгласил Вова, заметил меня и приветливо помахал рукой.

Я что, я тоже ему в ответ помахала. Забыв про опухшее от слез лицо.

Неунывающий Панк встал, поднял голову, взмахнув куцым хаером, рассмотрел лица в окнах и решил, что раз публики много, самое время толкнуть речь.

– Ну что уставились, упыри? Спрятались по своим норам от суровых будней! И это ради вас мой дед по лесам мародерствовал? А ты – полтонны сладкого секса, подь сюда, чего скажу...

На этой романтической ноте, воодушевленный Панк, потирая ушибленные Вовой места, поплелся обратно. Выглядел он как поверженный участник рыцарского турнира. Скорее всего, Вова пустит его в свой рай, он вспылчивый, но отходчивый.

Полтонны секса, то есть соседка Люба, проживала справа от меня, но в другом доме. Она зачем-то вывалила огромную грудь, слегка драпированную ночнушкой, и выжидательно уставилась на спину недобитого кавалера. Из окна слева, открыв рот в восхищенном изумлении, на нее смотрел Гриша. Но Люба его игнорировала, как пустое место. Соседи ждали лениво ждали, как разрулится любовный треугольник. Люба громогласно вздохнула, поняв, что призыв Панка был ложным, и так саданула рамой окна, что чуть стекла не выбила. Маркел трусливо поджал хвост, развернулся и выбежал вон со двора.

– Я знаю. Скоро произойдет что-то ужасное! – фальцетом выкрикнул Гриша.

Такой небольшой, робкий и очень одинокий Гриша, отчеством которого никто не интересовался. Люба его называла карманный кавалером. Он и правда за ней ухаживал, даря на восьмое марта коробку конфет и метелку мимозы. Я однажды случайно видела, как он довел до бешенства продавщицу в кондитерской, выбирая эти самые конфеты. Он все время пытался сообразить по какой цене ему достается вес коробки. Так и спрашивал – по какой цене вес. А когда определился с выгодными конфетами, заставил продавца перепроверить сроки хранения. Я тогда не выдержала и сбежала, не дождавшись своей очереди, хотя печенья очень хотелось.

– Вы слышали? – не унимался Гриша, кликушествуя про грядущие ужасы.

– Заткнись, придурок, – пробасил сонный голос работника невнятных органов.

– Помните потом, да поздно будет! – решив, что последнее слово осталось за ним, Гриша, убрался от форточки.

Панк вдруг возник в Вовином окне. Он прямо на меня смотрел. И ему было не стыдно за свое поведение. А мне было приятно, что мы друг друга видим и даже если мир рухнет, я буду помнить как он на меня смотрел.

Глава 6. Как жизнь? Мухам нравится

Вроде я уже говорила – Дэн занял комнату с велосипедами. И хоть убеждал меня, что они ему не мешают, гремел ими поутру капитально.

– Ты меня с соседями рассоришь! – ругалась я.

– Зато будешь знать, за что тебя ненавидят, – огрызнулся Дэн, потирая ушибленную ногу.

За ночь на дверь никто не покушался. Зато, пока мы ездили в магазин, кто-то на мой порог вылил банку варенья. Из яблок. Райских. Старинных, судя по махровой серой плесени.

– Ты знаешь, мне кажется, это разные люди делают, – ошалело предположил Дэн, наблюдая, как я черпаю яблоки совком.

Почему-то меня не покидала мысль о переезде. О милиции. И о возможности выбить передние зубы любителю райских яблок. Можно сначала выудить ему глаза чайной ложкой, а вместо них запихать яблочки, черенками наружу, но потом непременно выбить зубы. Возникли еще кое-какие мысли, но они были откровенно неприличные. Меня что называется колбасило. Никогда не думала, что варенье способно превратить меня в агрессивную суку.

– Доброе утро, – елеинным голосом пропела Черная графиня, проживающая под самой крышей, – Вареньице разбили? Бывает. Я вот тоже стала часто ронять. То телефон уроню. То кастрюльку... То телефон в кастрюльку...

Дэн не только поздоровался, он даже поклонился. Но на старушеницу, его вежливость не произвела ровным счетом никакого впечатления. Она бдительно оглядела его голые волосатые, как у Хоббита, ноги с заметным синяком на лодыжке и выразительно поморщилась. Графиня явно относилась к той категории пожилых людей, которым кажется отвратным ношение шорт. Особенно – мужчинами.

– Моветон, дорогуша, – доверительно сообщила она мне, почти незаметно кося глазами на непристойные конечности.

– А что будет бонтоном в такую погоду? – звенящим от внезапной наглости голосом, парировал Дэн.

– Легкие парусиновые брюки свободного кроя, – не раздумывая, ответила Графиня.

И тут Дэн меня совсем ошеломил.

– Благодарю вас. Всенепременно обзаведусь такими, если сумею найти, – не сбившись ни на одном слове, выпалил Дэн.

– Похлопочите, голубчик, вас они украсят, – сухо сказала Графиня и удалилась, приветливо улыбнувшись мне на прощанье.

Я уже было переключилась на липкие яблоки, как услышала ее голос.

– Деточка, забыла вас оповестить. Какая-то падла, – Дэн едва не рухнул с лестницы, – чинит вам козни. Как отловите – позовите меня – за такие происки и я клочок волос вырву.

– Вот тебе кандидат номер один, – тихо прошептал Дэн, когда ее шаги стихли.

– Туфта. Она не из тех, кто умеет делать варенье. Она знаешь, как свою пенсию тратит? Я сама видела. Два часа будет покупать ломтик ветчины. И именно тот, который посчитает нужным. Привередливая она. Ее все продавцы ненавидят. Но почему-то уступают и дают то, что нужно. Она требовательная. И непреклонная. Но варенья у нее быть не может. Я точно знаю.

Мне Графиня нравилась. Хотя поначалу я ее побаивалась, как и все дети в нашем дворе. Она как глянет – сразу понятно – все-все про всех ей известно. Но я точно знаю, в ее взгляде не было презрения, немного осуждения – это да, но она и осуждала необидно.

– Дура ты, я и сам понял – знатная старуха. Справедливая. Она, если что не по ней, сразу скажет в лицо. Качественная старуха, – постановил Дэн.

Второй кандидат не заставил себя ждать. Открылась дверь слева и семейная пара выка- тилась, шаркая ногами. Сейчас многие ходят по улице в пляжных тапочках. Неудобно, зато ноги проветриваются.

– Я же тебе говорила – это она шумит. Всю лестницу засрала, поганка невоспитанная. Мне было неприятно, что про меня говорят, будто я сдохла и воняю прямо на лестнице.

– Не обращай внимания, коза она и в Африке коза, – жалостливо добавил супруг соседки.

Обозвав меня поганковым парнокопытным, соседи вальяжно ушлепали на улицу. Специально громко возмущаясь «этой» неряхой. То есть мной.

– Не они, – немного подумав, решил Дэн.

Может, и не они. Но я-то вижу – раньше со мной разговаривали совсем иначе. По- доброму. Приветливо. Или равнодушно. Не как теперь.

Третий кандидат серой килькой прошмыгнул мимо нас, пряча глаза, беззубый рот пря- тался в бородке, напоминающей прошлогоднее воронье гнездо. Вслед за шустрым мужем прошествовала соседка в белой кружевной шляпке из пластмассы. Поравнявшись с нами, она демонстративно сморщила нос и громко проорала мужу:

– Некоторые срach разводят. В детстве к чистоплотности не приучили. Мы, настоящие питерцы, никогда себе такого не позволяем.

Когда на лестнице наступила тишина, Дэн не удержался от вопроса.

– Они какие-то особенные питерцы?

– Ага. С крайнего севера. Хотя, что я вру. Муж, он вроде из Ленобласти. Да какая раз- ница, где они родились?

– Никакой. Просто я настоящих питерцев впервые увидел.

Пол сверкал мокрой чистотой. Руки пахли кислятиной. Прохладная вода в душе успо- каивала и улучшала настроение.

Мы решили не устраивать засаду, а снова уехали за город. Мне фотографировать хоте- лось. Дэн катался поблизости, пока я охотилась за птицами. Обнаружила даже пару редких экземпляров. Полевого воробья – такой шустрый красавчик! И коноплянок. Ярко-желтых как канарейки. А чибисы – ну просто радость жизни. Но близко к себе не подпускают. И правильно делают. Им вообще не везет – у них вороны гнезда разоряют.

Мне немного обидно, что кроме меня никто из друзей птицами не увлекается. Даже Дэн, у него нужного фотика нет. Но это неудивительно. У него даже зимних ботинок нет. Он в аспирантуре учится. А это, как оказалось, весьма накладное дело. Трудиться надо много, а на что жить – всем плевать. Хотя я Дэна жутко уважаю за такой подвиг.

– Ты обгоришь, – Дэн рассмотрел мое лицо и недовольно поморщился.

Он презирает загар, считая его неэстетичным и вредным. Потому что у него самого аллергия на ультрафиолет.

– Ничего мне не будет. И плевать на кремы эти поганые!

Шурик, наверное, до сих пор всем рассказывает про то, как я позагорала.

– Ну и дура. Ты знаешь как это опасно? – возмутился Дэн, нарезая на велике круги вокруг меня.

В этом он весь. В мире миллион опасностей для здоровья и все они ему известны. Меня бы задрало постоянно просчитывать что есть, пить, и учитывать еще кучу всяких правил.

– Ты тощий, – из вредности заметила я.

– Ну, тебя. Я даже поправился, – почти испуганно Дэн оттянул складку кожи на своем ребристом боку.

– Из тебя даже суп не сварить. Тебя даже на собачий корм не возьмут.

Он как конструкция из рычагов. И я точно знаю – ему самому эта тощеватость нравится. Иначе он бы отъелся. Но зато ему никак не решиться надеть свои скинии-штаны, в них его, гм, достоинство слишком уж выдается.

Пока голову не напекло, я фотографировала. В кусте самозабвенно пел варакуша. Голос соловьиный, а наряд рассмотреть пока не удавалось. Что-то невероятно синее на груди и еще много оттенков. Я его сразу полюбила.

Варакуша улетел. Оставив меня наедине с кучей отвратительных снимков, только парочка качественных получилась. Это все ветер виноват – он ветку раскачивал.

Уничтожив самые дохлые кадры, я впала в тоску и вспомнила про это поганое райское варенье. Жутко оно меня взбесило. Хорошо, что Дэн рядом будет, когда домой вернемся.

Звонок от девчонки из универа меня застал врасплох. Мы даже не подруги, а тут такие уси-пуси-агагаси. Лепечет какую-то хрень и напоследок спрашивает о моем здоровье. С чего бы это?

– Здоровье? Фиговое оно у меня. Но это секрет. Ты никому не говори, ладно, – зловещим шепотом сообщила я и отключила мобильник, чтоб не спугнуть чибиса, который вышагивал совсем неподалеку.

И какого черта у меня не хватило денег на телевик со стабилизатором? Я же только с рук снимаю, шевеленка дикая. И у меня и у птиц. Хотя умные фотографы считают, что дело вовсе не в стабилизаторе.

Дома – ура-ура – ничего поганого не произошло. Пока Дэн занимался приготовлением рыбы по таинственному норвежскому рецепту, я слила фотки и даже успела их отбраковать. Часть откадрировала. На десять неплохих снимков – двести мусора. Который полетел в корзину. Неплохой результат. Особенно портрет варакуши – ножки тонкие, клюв поет, и блик на глазе есть. Без блика глаза у птиц мертвые получаются. Я фотку только чуть-чуть обработала в смысле четкости. Отличная фотка, смотреть приятно. А вот чибисы так себе получились. У меня их много, а четкого кадра как не было так и нет.

– Кушать подано!

Стол был сервирован по всем правилам. Правда, у меня обнаружилась всего одна вилка для рыбы. А и не знала, что она у меня есть. Я ей как обычной пользовалась.

– Вкусно?

– Ммм...

– Я тебя научу готовить. Потом.

Ага. Так я и поверила. Не научит. Он такой. Некоторые секреты так и остаются секретами навсегда.

– Я ошибся, – после таких слов держи ухо востро.

Если Дэн признается в ошибке – значит, дело совсем плохо. Для меня.

– Мы неправильно подошли к проблеме. Тебе нужно подумать не кого ты когда-то обидела, а совсем наоборот.

На осмысление ребуса у меня ушла пара минут, за которые я доела последний кусочек рыбы, макая ее в соус.

– Не поняла? Объясняю. Вспоминай, кто тебе нагадил?

– Ты про варенье, что ли?

– Нет. До него. До всего, что произошло в последнее время.

– То есть ты думаешь, что меня травит тот, кто навредил мне раньше? Такого не бывает!

– Еще как бывает. Сначала обидают, сподлинничают, а потом ненавидеть начинают. Ведь ты становишься как укор для их воспаленной совести.

Дэн теоретик. Иногда мне кажется, что он рыба, которая живет в аквариуме, до краев полном знаний. И которые ни фига к реальной жизни не имеют никакого отношения. Голая теория. Не применимая к человеческим отношениям. К моим проблемам уж точно. Иногда

он выныривает, проверяя свои идеи на практике и чаще всего, оказывается не прав. И устраивает по этому поводу истерики. Я не шучу! Он реально может психануть, заявляя «Извини, это не мое. Это – не для меня». Намекая, что это занятие никаким боком к таким умникам как он не касается.

Он смотрел на меня прозрачными зелеными глазами, ожидая ответа. Пришлось вдунуться изо всех сил в его новую теорию.

– В твоих словах что-то есть, – подумав, сообщила я.

– Еще бы, – без ложной скромности согласился Дэн.

– Но тех, кто насрал мне в душу, не так и мало.

– Вспоминай. Думай. Анализируй.

– А, может, ты мне напомнишь?

– Нет. У меня память как у золотой рыбки.

Вечно он этих рыбок беспамятных припоминает, особенно когда делает вид, что не помнит ни фи́га.

Ладно, попробую сама разобраться.

Меня часто обижали или пытались обидеть. В школе. Но в последний учебный год поутихли. И вот тебе на – снова я кому-то перешла дорогу. Прямо не я – а черная кошка, в которую так и норовят кирпич бросить. А я, между прочим, и не черная вовсе и о плохом вспоминать не люблю. Но, судя по лица Дэна, вспоминать придется.

Парень, который меня бросил из-за другой, хотя хотел встречаться с нами двумя, но был послан на три вековечные буквы. Та, другая, которая приходила выяснять отношения, и была послана туда же. Пацан из класса, которого я поймала на воровстве и сначала смолчала, а во второй раз сдала с потрохами обворованному. Кто еще? Соседи, которым не нравится, что я раз в неделю мою лестничную площадку, они считают, что таким образом я помогаю дворнику, которая за это получает зарплату...

– Я не знаю. Честное слово. Но если я не стану реагировать, то они перейдут к более активным действиям, и себя обнаружат. Этот как пить дать, – мой план блистал оптимизмом.

– Ну-ну, – Дэн немного обиделся, он ожидал более восторженной реакции на свое предложение.

После полуночи, когда воздух превратился в душную влагу, мы снова отправились проветриться. Обсуждая все что угодно. От этимологии слова медведь, до лесных пожаров. С медведем не все понятно. Оказывается, он не имеет никакого отношения к веданью меда. Скорее – к его поеданию. Я незамедлительно вспоминаю что название города Берлин, как раз произошло от древнего названия медведя. Получается, что раньше его звали «Бер».

– Или Урс, – добавляю я с предовольным видом, – Или барибал. Я вообще уверена, что имя Балу от барии-бала произошло.

– Нет. Все намного сложнее. И вообще у тебя в голове манная каша.

– Ну да, я знаю, что произносить имя этого зверя было под строжайшим запретом. Его называли как угодно, только не по-настоящему. Не то услышит и придет. Это как рак – стоит о нем задуматься, он тут как тут. Это типа программы, которую мы сами запускаем своими страхами.

– Давай, я упрощу тебе задачу. Если ты действительно хочешь понять, как назывался медведь, а это слово тоже было табу, надо сравнить его название в родственных языках. И получится слово, похожее на «рысь». Но следов истинного имени ты не обнаружишь в нашем языке. Да и во многих других. Оно бесследно исчезло.

Дэн продолжал рассуждать, а я вспоминала тех, кто успел меня наобижать и у меня заметно испортилось настроение. Меня злила даже прилипшая к спине майка. Хотя, раньше я бы вспомнила долгую мерзкую зиму и всю насладилась жарой.

На «нашем» перекрестке мы снова стреляли по бочке. Дэн – из рогатки, я из пневматического пистолета. Мне не жалко патронов. Дома я стреляю по коробке с кустком брезента внутри, а потом достаю из нее немного плющенные пульки и использую их по второму разу. Иногда и по третьему. Те, которыми я стреляю сейчас, были отстреляны по четыре раза.

– А Панк, он где работает? – вдруг спросил Дэн.

– Нигде. Он бабушку доедает.

От моего ответа Дэн вытаращил глаза и стал как лемур.

– Как это?

– Ну, так Вова сказал. У Панка было две бабушки и обе померли. В квартире одной он теперь живет, а второй питается. Ей богу, так и сказал.

Мы с Дэном молча обдумываем Вовины слова. Дэну ни Вова, ни Панк не нравятся, но Панка он совсем на дух не переносит. Мне кажется, он его боится. Панк слишком непредсказуемый тип.

– Я тоже ем бабушку, – Дэн онемел от моего признания, – В некотором смысле. Она нам квартиру оставила. А потом родители оставили меня в ней. А Панк, наверное, сдает лишнюю бабушку в аренду, тьфу, квартиру, и на эти деньги живет. В общем – мы все внуки и наследники умерших предков.

– Смотри. Пока мы стреляли – луна вон уже куда перебралась, – не желая продолжать тему покойниц, сказал Дэн.

Еще бы. Я точно знаю, что ему в плане наследования ничего не светит, пока живы родители. У Дэна отец – редкостный деляга. У него вся семья в кулаке. Финансовом. Я вообще в их семейных отношениях мало понимаю – все что-то кроют и делят, а в результате всем рулит отец. Иногда мне кажется, что он правильно поступает. Иначе бы они с голоду вымерли, жуть какие непрактичные.

Отъехав буквально сто метров от перекрестка, я первая заметила дым. И встревожилась. Дэн плохо видит вдаль и ехидно намекнул, что я ошиблась.

– Да нет же. Сейчас немного проедем и ты сам увидишь!

В ярком лунном свете мир выглядел черно-белым и отчетливым как декорация к фильму ужасов.

– И, правда. Дым, – понюхав воздух, согласился Дэн.

– Надо пожарных вызвать.

Сама предложила и сразу задумалась почему нынче ложный вызов огнеборцев. Вроде бы тыщи полторы?

Дымная завеса плотной пеленой накрывала край поля у самого леса и мне было непонятно, где находился огонь.

– Блин, а я ведь даже не знаю, по какому номеру нужно звонить. Ноль один? Или ноль ноль один? Или сто двенадцать? Или сто двенадцать только без симки покатит? Вроде бы он в любой трубке сам по себе уже есть?

– Ты снова несешь чушь. Но в одном ты права – мы оба беспечные идиоты. Нужных номеров у нас в памяти нет.

Сплошное расстройство – трубка есть, а как позвать на помощь – непонятно. А еще – если я позвоню по сто двенадцать, то меня спросят адрес, которого я не знаю. Глупо отвечать – дорога в поле около леса. Если это не лесной пожар – полутора тысяч тоже жалко. Ну – и орать на меня будут, это как пить дать, а я знаю, как мне будет от этого плохо.

– Давай, проедем немного по полю? – предложил Дэн, заметив, что я уже достала мобильник.

Он тоже обеспокоен, а меня распирало от желания срочно позвонить и спасти несколько деревьев и птиц, которые на них обитают. Такой азарт возник – не остановить. Но я послушно свернула на боковую почти не проезжую дорогу. Которая когда-то состояла

из грязи, изъезженной тяжелыми грузовиками. А потом грязь засохла и окаменела, а колея осталась. И я почти сразу в нее въехала колесом, рухнув прямо с великом.

У самой головы – канава, в которую предприимчивые продавцы овощей, скидывают залежалый товар. Вонь жуткая, а встать самостоятельно я не могу, придавленная велосипедом. Мне смешно. Но громко смеяться не хотелось.

– Ты что тут разлеглась, как говно на именинах? Хихикает еще, – ворчал Дэн, помогая мне подняться.

– Я дальше пешком пойду. Нафиг мне этот ночной экстрим. А почему говно на именинах? Хорошо хоть пистолет в рюкзаке у Дэна лежал, иначе бы я его точно посеяла.

– Смотри, сколько елок в канаву накидали, – мрачно заметил Дэн.

– Это не елки, это сосны, – иссохшие символы нового года выглядели плачевно.

– А тут розы и гвоздики, и еще хризантемы какие-то. Дивная помойка, – его заявление меня позабавило.

Обсуждая как правильно вызывать пожарных, мы продвигались дальше. Как вдруг нас осветило пламя костра. Оказывается, он горел за густыми кустами, а мы как последние дураки выскочили напрямиком на него.

– Стоп! – тихо приказал Дэн.

Отступив на пару шагов обратно в тень, мы пытались рассмотреть, какому идиоту пришло в голову жечь костры, когда везде предупреждают об опасности пожара.

– Бомжи? – Дэн попытался установить велик на подножку, но у него не получилось.

– Неа. По-моему, сатанисты.

– Ну тебя. Какие же они сатанисты?

Дэн считал себя экспертом и в этой области.

– Какой дебил будет в такую жару в длинном плаще ходить? – пояснение прозвучало правдоподобно.

Нас не видели и не слышали. Что меня крайне радовало. По-честному – я ни бомжей, ни сатанистов не люблю. Хотя с бомжами есть о чем поговорить.

– Пошли уже отсюда. Вон у них машина стоит за деревьями. И если что – они зальют огонь водой из канавы. После того, как..., – сдавленно прошептал Дэн, медленно отступая в относительную темноту.

– Неа, они будут заливать его кровью невинных младенцев, – моя шутка не понравилась даже мне самой.

– Какие-то они неправильные, – не слушая меня, рассуждал Дэн, оглядываясь.

Ну, кто б сомневался – он великий спец и в этой области. Прямо треснуть его хочется. Развернув велики, мы начали планомерное отступление. Иссохшая земля, по весне размытая дождями, превратилась в подобие яичной скорлупы и предательски хрустела под ногами. И ощущение такое гадкое – словно занесен топор, которым меня сейчас рубанут в позвоночник.

– Вот черт! – Дэн здорово ушибся об педаль.

Прыгая и потирая ушибленное место, он случайно наскочил на груды ламп дневного освещения и они с веселым дребезгом ссыпались в канаву.

За нашими спинами послышались медленные отчетливые звуки шагов. У преследователя тяжелая неудобная обувь, но и огромное желание выяснить, кто ругается и шебуршился за кустами. На велик садиться нет смысла. Я точно сверзнусь. А вот Дэн уже далеко, крутит педали, подпрыгивая на колдобинах.

Казалось, что это невозможно, но топот преследователя заставил меня прибавить скорости. Бежать, толкая велик, неудобно, это как с раскладушкой кросс сдавать. Но еще противнее осознавать, что меня бросили в одиночестве.

Когда некто в плаще оказался совсем близко, я наткнулась на Дэна, который начал методично расстреливать его из рогатки. Первым выстрелом подбив лицо. Судя по воплю – лицо принадлежало девушке.

– Сукиии, – мне неинтересно рассматривать, что у нее так повреждено, нос или глаз.

– Ходу! – у Дэна в руке всего три камешка, а рогатка не пулемет – из нее очередями не постреляешь.

С пистолетом было бы еще хуже, его перезаряжать устанешь.

По дороге мы мчались как китайские гончики за олимпийской медалью. Дэн воплем приказал свернуть направо. И как только мы оказались за деревьями, мимо пронеслась знакомая машина с летучей мышью на капоте. Даже не верится, что мы снова встретились.

– Офигеть! – почти радостно заорала я.

– Не то слово, – не разделяя моего энтузиазма, проворчал Дэн, шлепнув себя по щеке.

Комары атаковали внезапно. У меня на руке уже штук двадцать пристроилось. Сосут кровушку, вурдалаки.

– Заткнись, а. Машина совсем рядом, – прошипел Дэн.

Его так трясло, что даже комары ссыпались. Плавно перемещаясь на меня. Даже в макушку укусить успели.

– Ты струсил? – я знала, что вопрос глупый, но нужно было что-то спросить.

– Ага. Сдрейфил и наложил в штаны.

Ну что со мной поделатъ – я тут же начала приноживаться. Пахло сладко, почти приторно.

– Это бананы тухлые.

– Ты нажрался тухлых бананов? – не веря своим ушам, переспросила я.

– Они почти у тебя под ногами лежат, – уточнил он.

Машина пару раз взревела двигателем и затихла. Потом послышался раскатистый женский смех. Нет – залиvistый. В общем, какая-то опасная злобная тварь хохотала надо мной.

– Я их знаю, – мое признание впечатлило Дэна, – Это я им швецпа в салон напузырила.

– Тогда нам капец, – решил он.

Спустя минуту я решила, что нас поймают и убьют прямо здесь и сейчас. По телеку порой такие страсти про сатанистов показывают – инквизиция нервно курит в сторонке.

Было сложно решить – пугаться до паники, или посмотреть, как оно сложится дальше. Но без боя я не сдамся.

Машина медленно проехала обратно, освещая дорогу фарами. Окна открыты и из каждого высунута выбеленная рожа. Наверняка, они догадались, что мы спрятались где-то поблизости.

Ну, ничего, сейчас уедут, оставят нас в покое.

Дэн тихонько выругался, когда машина аккуратно, в два приема развернулась и встала. Нас караулили. Как капкан зайца. Как жаба муху. Как сосулька прохожего.

Теперь оставалось стоять и ждать. Молча, неподвижно. Потому что от рож нас отделяли обглоданные гусеницами прутья вербы и совсем незначительное расстояние. Я бы легко могла забросить на капот тухлый банан. Если бы захотела.

– Нам не уйти, – Дэн приложил палец к губам, приказывая молчать.

Деревья и кусты росли небольшими группами вдоль дороги, а за ними простиралось поле.

– Слушай, мне показалось, или в машине одни девушки? – шурясь, прошептал Дэн прямо мне в ухо.

– Две штуки точно есть. А двое других – парни.

Представив ситуацию со стороны, я начала веселиться. Неплохо мы лес от огня спасли. Можно сказать – герои. Супермены хреновы. Лучше бы пожарников вызвали за полторы тыщи.

Меня на хи-хи пробило. Ничего поделать не могла – руками прикрываю рот и трясусь. Смех где-то внутри, если вырвется – нам хана. Вот бы Панка сюда. Он бы тут такое устроил. Он когда агрессивный, жутко выглядит. Как медведь-шатун из берлоги, только с хаером и в одежде. Стоит посмотреть на его сломанный нос, сразу видать – он умеет драться. Эти сатанисты от одного его вида быстро бы передумали на нас охотиться. Он же полный псих. Его когда менты на улице видят – на другую сторону дороги переходят. Он сам так говорил.

А Вова, тот лег бы на траву и смотрел в небо. Думая о высоком. Может, пару фраз умных произнес.

– Как бы лестницу мне Раздобыть подлинней, Чтоб до самого неба достала. . .

Машина выглядела опасной. Как хищник, караулящий жертву. Могу чем угодно поклясться – она прислушивалась и вглядывалась. Если бы луна не скрылась за облаками – нас бы уже засекли и утопили в канаве.

Послышался звук открываемой двери. Девушка медленно выставила свои экзотические копыта на пыльную дорогу. Рука в черной перчатке выбросила непотушенный окурок. Я приготовилась бежать. Велик жаль, но с ним по полю много не набегает. Там канавы и буераки всякие. Плевать на велик.

– А глаз я ей все-таки подбил, – голосом приговоренного к смерти, сообщил Дэн.

Мне показалось, что нас и, правда сейчас найдут, отловят и убьют. Вот черт! Я теперь никогда не узнаю, что скрывается за запертой дверью в квартире Вовы.

Мой страх начал граничить с отчаянием, а глаза следили за рукой в перчатке, которая изображала какие-то красивые плавные движения. Словно танцевала под музыку.

А с чего это я должна бегать от всякой сцуки в ботах? Не побегу. Даже если Дэн меня одну бросит. Эта в ботах тоже не очень-то проворная. Если правильно подсечку сделать, то грохнет она как миленькая. Вот тут велик и пригодится, я его на нее сверху положу. Будет как жук навозный лежать. Я знаю как это – сама только что на себе испытала.

– Асмодей, пойдём, поиграем с мышками, – голос почти пел, предвкушая мстительное развлечение.

Энергичным движением сцуку выбросила свое длинное тело из машины и красиво потянулась, подняв руки.

Пипец. Вон как вышагивает, только плащ развивается, по ногам хлопает. От такой только когти рвать, проявляя поразительные спортивные способности. И парень, что следом выбрался тоже не из медлительных. Пожалуй, они нас и в поле настигнут. Черт, как жаль, что Панка нет с нами!

– Отступаем на заранее подготовленные позиции, – мрачно выговорил Дэн.

– Как мило. Я их вижу. Две глупые мышки трясутся от страха. Мне – мальчика. А ты с этой поиграешь. Ну что вы встали – идите к нам!

– Уроды! Ван Хельсинга на вас натравлю! – с какого-то перепугу заорала я.

Дэн упал, пытаясь запрыгнуть на велик.

– Милый мышонок, сколько напрасных усилий. . .

Луна засияла вовсю. Тишину нарушил рев – мимо нас на огромной скорости пролетели две машины. Черная и желтая. Чуть ли не прижавшись друг к другу бортами.

Какие-то безумные стритрейсеры решили, что пустынная дорога – прекрасное место для гонок.

Сцуку и Асмадей как перепуганные вороны отпрыгнули на обочину.

– Сваливаем! – непревзойденное чутье потенциальной жертвы не обмануло Дэна.

Пока визжали тормоза, мы успели удрать до поворота.

Громкий бабах и скрежет металла взорвал тишину ночи. Обернувшись, я ожидала увидеть столб пламени, но его не было. Кто-то вопил. Как в замедленном кино в воздухе летела машина. Желтая теперь лежала на боку, обнажив некрасивое брюхо. Крутились колеса.

На поле, именно в том месте, где сорвалась с катушек гоночная машина, росло всего два дерева. Совсем рядом. И машина врезалась между ними. На высоте метров трех, не ниже. Пассажиры были пристегнуты. Иначе бы они вылетели через лобовое стекло. Теперь водитель очутился в районе заднего сиденья. Во всяком случае, его голова.

– Не фига себе сбегал за хлебом, – с какого-то перепугу высказалась я.

Дэн только кивнул, вглядываясь в труп машины.

– Они что, мертвые совсем? – вместо ответа я услышала чей-то сдавленный вопль.

Машина скрежетнула. Я ожидала, что она качнется и грохнется на землю. Но вместо этого у нее отпало переднее колесо, а потом и бампер.

– Ваууу, – завывли сцуко и Асмадей.

– Жертвоприношение! – откликнулся веселый мальчишеский голос.

Вторая гоночная машина опомнилась, сдала задним ходом к месту аварии. Как в замедленной съемке, из нее вышли молчаливые подростки. Тот, кто остался в салоне, бубнил по мобилке, вызывая подмогу. Друзья сатанистов тоже выбрались поглядеть, но веселиться при посторонних не стали.

– Пипец, – высказался кто-то из гонщиков.

Расстроенные, мы покатали домой. Вскоре навстречу нам пролетели гаишники, за ними – пожарные. Три машины скорой помощи завывая, рвались к месту аварии.

Наступившая тишина казалась неестественной и тревожной. словно кто-то выключил фильм на самом интересном месте. Мне хотелось быть там, на месте катастрофы и видеть, как все происходит. Меня словно магнитом туда тянуло. Что за характер такой дурной – там же кровь и горе, к чему на него любоваться и впитывать все подробности, чтоб потом перебирать их в памяти?

– Интересно, а костер они потушили? – вдруг спросил Дэн и начал смеяться.

Достойным завершением приключений могло стать все что угодно. Но меньше всего я ожидала обнаружить перед собственной дверью кучу, которая воняла как свежая. Неизвестный засранец поначалу намеривался написать в замочную скважину, но у него ничего не получилось. Поэтому залито было все как из брандспойта.

– Итак, мы имеем дело с особью мужского пола, – заткнув нос руками, возвестил Дэн, и добавил – Баба так насрать не может.

На уборку ушло довольно много времени и газет. Чтобы не тронуться умом, я вообразила, что мою покойника. Умирая, как и все нормальные покойники, он обкакался и описался, но при жизни был мне дорог. И мой долг подготовить его к достойному упокоению. Воображение вильнуло и выдало новую версию.

Дверь, которой лет пятьдесят, не меньше, жрала втихаря мимо пробегающих кошек. Пила воду из ведра дворника. Закусывала пауками. На десерт довольствовалась пылью. Копила-копила и выдала все отходы разом. В общем, я убираю продукты жизнедеятельности собственной двери.

– Поймаю – убью.

После обещания, я перечислила все известные мне ругательства. И то, что Панк изредка говорил, повторила тоже. Получилась внушительная поминальная речь. В которой тема убийства на сексуальной почве оказалась основной.

– И правильно сделаешь. Я бы тоже убил, – согласился ошеломленный моим лексиконом, Дэн.

В ванной я раз сто вымыла руки, даже чистящим порошком и зубной пастой. Мне все казалось, что он меня воняет. Я даже лицо ей намазала.

– Ты долго там? – сонным голосом воззвал Дэн.

– Уже. Скоро, – для убедительности я высунула лицо за дверь и впервые увидела, как человек от испуга подпрыгивает.

Только посмотревшись в зеркало, поняла, в чем дело. Я как кикимора была – зеленая такая.

Глава 7. Кошачий психоз

Утром Дэну позвонили. Из Норвегии. И я, лежа в постели, с вытаращенными глазами вслушивалась в незнакомую речь. Ни слова не поняла, но мне все это воронье курлыкание жутко нравилось. Оказавшись совершенно неспособной к изучению иностранных языков, я восхищаюсь, когда кто-то ими владеет. Меня завораживают звуки незнакомой речи. Но норвежский неблагозвучный какой-то, он как рубленая топором готическая вязь, сплетен из резких запинающихся узоров. А еще я заметила, что Дэн, когда с Норвегией разговаривает, старается уйти подальше от чужих ушей. Будто тайный полиглот выведает его секреты.

Выбравшись из-под простыни, накинув рубашку, я вышла из комнаты. Дэн заметил, что его подслушивают, ушел на кухню. Не обижаясь, вернулась в комнату. Размышляя, как буду жить без него. Ведь я наверняка знаю, что когда-то он уедет. Как это – жить без Дэна? На кого я буду ворчать и кому стану изливать душу? Мне даже поспорить будет не с кем.

Мне иногда кажется, что мировой разум умеет регулировать свои ресурсы, устраивая эвакуацию мозгов из неблагоприятной среды в комфортную. Но будет ли там, в Норвегии, Дэн таким как здесь? Ведь зажрется, обленится, расслабится и ничего дельного не создаст. Ведь там никто не станет его пинать и злить, никто не будет требовать и изводить воплями – ты не такой как все, ты обязан творить... А, быть может, он уедет. И через полгода подумает – как хорошо и спокойно – никто не давит на уши и не выгрызает мозг.

На душе срочно заскребли кошки. Санечка как-то сказала, что когда на душе кошки скребут – это не просто так. Это они насранное закапывают. Так оно и есть. А еще она постоянно цитирует неведомого психолога, который явно был знаком с немерянным количеством кошатниц. Цитаты смешные – острый психоз – если вы говорите с кошкой, острый галлюцинаторный психоз – если вы говорите с несуществующей кошкой, а паранойя – когда вы боитесь сболтнуть лишнего при кошке. Дальше – хуже, шизофрения – это когда кошка говорит внутри вас. И совсем скверный симптом – неврастения, это если вы жалуетесь кошке, кошка молчит, вас игнорирует и вас это убивает.

В общем, по мнению Санечки, я находилась в гораздо худшем положении. Мне повсюду мерещились признаки вселенского зла, направленного на доведения меня до острого галлюциногенного психоза.

Вот, например, я на все сто уверена, что мой паспорт лежал на полочке у зеркала, а теперь его нет на прежнем месте. Занялась раскопками. Поочередно открывала все подходящие места, ругая себя за рассеянность. Нет его. Неужели, я сама его нечаянно спрятала? Вот уж вряд ли.

– Какая сволочь спрятала мой паспорт?

Ну, точно – кошачий психоз при полном отсутствии кошки. Решив, что даже психоз нужно доводить до логического завершения, вышла на лестничную площадку – ничего. Враги взяли тайм аут или ушли на обеденный перерыв.

Подгалкиваемая интуицией, спустилась вниз к почтовому ящику, словно мне могут прислать важное письмо. Как в воду глядела – конверт. Белый. Без адреса и имени. В других почтовых ящиках тоже что-то белеется. Озираясь по сторонам, обнаружила зрителя – черно-белого кота с совершенно наглой всезнающей мордой.

– Если я начну с тобой говорить – не отвечай, ладно?

Кот понимающе прищурил глаза, отвернулся и резко мяукнул. Из подвала тут же возник второй повод для психоза с обмякшей мышью в зубах. Вцепившись ему в загривок, я освободила мышь и теперь осталась на лестнице с конвертом и дохлой мышью в руках. Она была еще теплая, как живая. Рассудив, что реанимировать покойных не мое призвание, оставила добычу психозам, а сама вернулась в квартиру. Вымыла руки.

– Это что такое? – Дэн вертел в руках конверт.

– Тебе интересно – ты и открывай. Но учти, если там бактериологическое оружие – я не виновата.

Дэн посмотрел конверт на просвет и, хмыкнув, вскрыл его столовым ножом.

– Прокламация какая-то. Вырезанная из газеты, – он уставился на бумажку, – Вот блин. Чей-то трехлетний сын заразился СПИДом, попив компота из чашки больного ребенка. А другой ребенок, уже девочка, заразилась СПИДом, потрогав дверную ручку. Но, вот неожиданность, третий ребенок, малыш совсем, пупсик – подышал зараженным воздухом в автобусе и теперь на его лечение нужно фуеву тучу денег. Так и написано – отечество в опасности.

– Ужас какой!

– Ох-ре-неть, – мрачно выразился великий лингвист и филолог.

– Почему?

– Потому. Ты что – вообще ничего про эту болезнь не знаешь?

– Знаю! СПИД передается методом траха через открытые ранки. И даже комар может стать переносчиком.

– Трахающийся комар? Ты с ума сошла. Двадцать первый век на дворе, – Дэну стало скучно и противно, поэтому он ушел мыться, оставив меня с конвертом и прокламацией.

Почему-то мне не хотелось к ним прикасаться, словно я могла заразиться. Если бы там было про рак написано – я бы бумажку сожгла. И пепел в унитаза смыла.

Пока Дэн принимал душ, я успела просветиться при помощи яндекса. И узнала страшную тайну – СПИДа нет вообще. Я не шучу. Иммунодефицит есть, а вируса нет. По мнению некоторых специалистов СПИД не является инфекционной болезнью и не вызывается никаким вирусом. О чем я рассказала Дэну. Вытирая волосы полотенцем, он пожал плечами.

– Тебе это действительно интересно? Если боишься заболеть – береги себя во всех смыслах этого слова. И все будет замечательно. Но по паре статей нельзя считать себя компетентной, ясно?

По его лицу сразу видно – себя он компетентным считает.

– А ты зачем узнавал про эту бяку?

– Ну, сама понимаешь. Я в группе риска. И то не беспокоюсь. Потому как предохраняюсь. И нечего нос морщить. Но когда мой друг заболел, я здорово понервничал.

– Ты что, ну, ты как... компот... чашка!

У меня вдруг закончились слова.

– Далась тебе эта чашка! Ты бы еще про зараженные иголки в сиденьях автобуса сказала.

– Про иголки я знаю. Это лажа. Против больных СПИДом придуманная.

– Ура-ура, у тебя есть мозг.

Пока мы завтракали, я выслушала монолог о СПИДе, а в это время кто-то облил дверную ручку зеленой. Про это я узнала, когда в квартиру ввалилась взбешенная мама. Рука выставлена вперед, как у дедушки Ленина, который памятник. Глаза сверкают.

– Я так и знала! Разврат!

Дэн был в плавках. Слегка мокрый и жутко оторопевший. Развратного в нем не было ничего. По мне – экспонат по детальному изучению скелетов. Только в плавках и перепуганный напрочь.

– Мама, здравствуй. Знакомьтесь. Это Дэн. Это мама.

– Ну-ка, голубчик, живо выметайся отсюда! Я не позволю совращать моего ребенка!

Мамина зеленая рука выглядела противно. Как и вся ситуация в целом.

– Я, пожалуй, пойду, – смутившись, решил Дэн, отступая.

– Никуда ты не пойдешь!

– Это почему это он никуда не пойдет? – вскипятилась мама.

– Потому. Теперь это мой дом. А он – мой гость. И мы собираемся сегодня в зоопарк. Почему именно в зоопарк я сама не знала – только что придумала.

Удивленный не меньше меня зоопарком, Дэн для начала очень хотел покинуть кухню, но мама преградила спасительный выход и уходить не собиралась. Ей не нравилось все, а мое спокойствие в первую очередь. А что мне, собственно, нервничать? Я ни в чем не виновата.

– И по какому поводу визит? – почему-то вспомнив котов и мышь, осведомилась я.

– Я при этом, – кивок в сторону Дэна, – должна разговаривать?

Дэн смотрел на свои ноги, словно впервые их увидел. Нервные пальцы шевелились как водоросли. Не сомневаюсь, он не привык к общению с такими воспитанными дамами как моя мама.

– При нем можно. Но если тебе неловко – он уйдет. В комнату. А ты успокойся. Тебе нельзя волноваться, сама знаешь, давление и все такое. И еще – я уверена, что ты пришла, потому что волнуешься за меня. Ведь, правда?

Пропустив Дэна на свободу, мама отпихнула ногой табурет и встала, прислонившись к стене. За ее спиной висела картина, поэтому мамино лицо выглядело как портрет Долорес Амбридж в раме. Если она еще немного поволнуется, станет как портрет мокроты из рекламы и мне придется вызывать скорую.

Бегло, но с интересом рассмотрев кухню, мама заметно огорчилась. Кухня оказалась чистой. Спасибо Дэну. Пока я мыла дерьмо у двери, он из солидарности убрался тут.

– До меня дошли слухи, – начало не предвещало ничего хорошего.

– И ты им сразу поверила, – слишком ехидно продолжила я.

Сбившись с мысли, мама скисла и начала нормально дышать.

– Мы решили, что надо проверить. То есть спросить...

Я молчала, ожидая продолжения. Нас объединял прошлый непродуктивный опыт общения. Когда каждое сказанное слово норовило убить наповал. Ну да, мы так и разговаривали – как два ополоумевших автоматчика на дуэли. Первой стреляла мама, а я только отстреливалась, неся такую несусветную хрень, что потом самой было стыдно. Но теперь ни маме, ни мне не хотелось расколошматить друг друга. Ведь тогда я так и не узнаю, зачем она приходила, а она не услышит моих оправданий.

Наконец, мама собралась с духом, облизала пересохшие губы, поправила часы на запястье, и выдала страшную тайну.

– В общем, мне сказали, что у тебя постоянно толкуются разные подозрительные мужчины. Ну, ты понимаешь, о чем я веду речь? Ты у доктора когда в последний раз была? Ах, я вспомнила, у вас недавно был медосмотр. Карточка медицинская у тебя?

Она буквально впиалась глазами в мое лицо. И по нему догадалась, что меня не гложет совесть. Мне почти весело.

– Так, значит, ничего такого не происходит? Ты не злоупотребляешь своей свободой?

Картина начала проясняться. Знать бы какая дрянь напела маме в уши.

– Мама. У меня бывает Дэн. И мои друзья. Ты их знаешь сто лет. И они тебе не казались подозрительными раньше. Они именно друзья. Но теперь лето и они все свалили отдыхать. И Дэн скоро уедет. Разврата нет. Наркотиков нет. По-честному, и секса нет. Ты же знаешь, я даже не пью. На учебу тоже жаловаться нечего. У меня все в порядке. А кто тебе наврал про меня на этот раз?

По ее лицу было ясно – либо не знает сама, но если и знает, то не скажет.

– А что ты этому доброму человеку ответила? Надеюсь, послала куда подальше?

И тут мама решила быть честной.

– Нам письмо в ящик положили. Анонимное. Муж сразу сказал – чушь полная.

Я сразу полюбила ее мужа.

– А чего пишут-то?

Ответа я так и не узнала. Потому что в этот момент раздался звонок. И в мой дом ввалился Вова.

– У тебя дверь не закрыта. Вода горячая есть?

Сбрасывая грязную футболку, он бесцеремонно полез в ванную. Мы замерли, слушая шум воды и громкое пение. Вова исполнял что-то из Битлз.

– Это что это за безобразие? – громким шепотом спросила мама.

– Моя девушка, – машинально ответил Дэн из коридора.

– Этот! Громадный! Волосатый мужик! Его девушка! – заорала мама и схватилась за левую грудь.

– Ты что, не узнала? Это же Вова, – пролепетала я.

– Теперь мне все ясно. Ну, кто б сомневался, – истерически хихикнула мама, – Вова – девушка Дэна.

Всплеснув руками, она привалилась к холодильнику и закатила глаза. Ей действительно было нехорошо, но я не знала, как ей помочь.

Собрав все междометья в кучу, красный как ошпаренный, Дэн с горем пополам, смог убедить ее в чудовищной ошибке.

– Значит, этот брутальный самец исполняет песню группы Битлз про девушку. Это я еще могу допустить. Но кто мне объяснит, что он забыл в твоей ванне, если он не девушка Дэна?

– Повторяю, это Вова. Выгляни в окошко...

– Дам тебе горошка, – машинально перебила мама.

– На кой черт горошек? Мама, вон его окна. Вовины. Он там живет. Ты не можешь его не помнить. Его квартира как раз над дворницкой.

Мама задумалась. По всей видимости, в ее памяти маячил какой-то смутный обобщенный образ Вовы. В те времена, когда мы жили вместе, она мало интересовалась жителями нашего двора. Вставала рано, возвращалась поздно и ишачила у плиты, пока не валилась с ног. У нее просто не было времени на всяких там шалопаев типа Вовы.

– Вспомнила! Это тот, который был как Вовочка из анекдота, запикивал кошек в водосточную трубу, поджигал дымовухи, включал музыку на полную громкость, нарисовал на стене синий кривой член, испортил соседскую свадьбу мордобоем, а потом превратился в гопника? – заподозрила мама.

– Если быть точной – в говнаря, – уточнила я, совершенно не зная про прошлые подвиги Вовы.

– А почему у этого говнаря нет воды?

– Ну откуда же я могу знать? – удивилась я.

– Небось, соседей залил, вот и отключили.

– Мама, под ним никто не живет. Там дворницкая, – устало напомнила я.

– Ну да, – ответила она непреклонным голосом прокурора, – Таким как он надо отключать воду.

Дэн немного успокоился, и даже не удирал из кухни. Мама рассеянно блуждала взглядом по помещению, решая сложную задачу.

– У тебя новые занавески. Слишком яркие. Поменяй на кремовые, – попытка примирения была засчитана.

Вова вышел из ванной, вытираясь моим полотенцем, и увидел маму. Придя в себя, он высоко поднял брови, галантно расшаркался и даже попытался облобызать зеленую мамину ручку. Увидел какого она цвета и сильно изумился.

– Привет, – смущенный Дэн воспользовался случаем и ушлепал в комнату с велосипедами.

– У нас гидроколбаса закончилась, – Вова красивым движением взмахнул длинными волосами, откидывая их назад.

И тут до мамы дошло, что она разговаривает с очередным полуголым мужчиной. А торс у Вовы ну очень выразительный. И полотенце все норовило сползти. Я тоже поймала себя на мысли, что рассматриваю живот взрослого мужчины с каким-то нездоровым любопытством. Мама смотрела туда же, зарумянилась и засобиралась домой. Оставив мне на память две банки маринованных огурцов, которым я обрадовалась. Она классно их делает. Пальчики оближешь.

– От одной я не откажусь, – деловито сообщил Вова, прибрав банку себе.

– Я спросить хотела, – проямлила я, не зная как правильно задать вопрос.

– Прекрати свои инфантильные закидоны. Хотела – так спрашивай.

– А ты случайно не видел мерзких подозрительных людей, которые в мою парадную входили?

Задумавшись, Вова бесцеремонно открыл холодильник, достал кастрюльку с рыбой и тут же принялся есть ее руками. Дэн услышал чавканье и вернулся посмотреть, что на этот раз происходит. Теперь он был в шортах и вместе со мной печально следил за участью нашего завтрака.

– Нет. Однозначно – нет. Мерзее и подозрительнее меня и моих захребетников тут никого не водится. Но я за двором не слежу. У меня других дел в избытке. А с чего это твоя маман такая сердитая и зеленая?

– Она не вся зеленая. Только рука.

И я рассказала ему, что случилось. Дэн аккуратно подправлял мое повествование точными комментариями. Отчего мой рассказ стал напоминать газетную передовицу о шпионском скандале.

– Некисло, – задумчиво резюмировал сытый Вова, пристально шаря глазами по днищу кастрюли.

Резким движением отщипнул от буханки корку хлеба и вдохновенно собрал питательный налет с запахом рыбы. Прожевал, проглотил и заставил меня повторить эпопею про кучу под дверью.

– Мне на пороге никто не срал, – с некоторой долей обиды сообщил он, подумал и, вспомнив подходящую цитату, продолжил, – В нашей стране с гигиеной всегда было плохо. Ментальность такая.

Он пока говорил, руками расправлял волосы. Они у него очень длинные. Густые такие. Как грива. Дикость какая-то – вытирать вымытые волосы руками, которыми только что ел рыбу.

И еще, он местами оказался в татуировках. Которые я раньше не видела, они под футболкой были. Волки, драконы. Вся спина изрисована. Пока он руками размахивал, полотенце сползло еще ниже. Дэн задеревенел лицом и позорно удрал к велосипедам.

– Я тебе, ребенок, только одно могу сказать. Твоя Графиня ежедневно какого-то лешего забирается на крышу и сидит на ней как гриф. Не меньше часа. Хотя, я бессовестно вру. Она первоначально недолго совсем сидела, а теперь – час.

– А что она на ней делает? – обалдевшим голосом спросила я.

– Твоя крыша, ты и выясняй. Вот если бы она по моей крыше шастала – другое дело. Но запомни – я ее соскребать с асфальта не намерен. Так и знай.

Я тоже никаких графинь соскребать не собиралась. Тем более – она же не в лепешку расшибется. Тут не так высоко лететь. Хотя было дело, как раз в Вовином доме. Давно совсем, после войны. Дедушка мне рассказывал. Про двух братьев. Их Кусок и Довесок звали. Наверное, с блокады клички остались. Так вот Довеска родители из дома не выпускали гулять, а он смотрел, как Кусок во дворе играет со старшими мальчишками. В форточку

высунулся, упал и расшибся насмерть. Там пятно на асфальте так и осталось. Во всяком случае, мы с ребятами были в этом уверены на все сто. Хотя папа мне говорил, что это уже другой асфальт, а пятно от машины осталось. Но это он врет – какая машина сможет в наш двор проехать? Она же в арку не пролезет. Там узко. Меня удивляет, что ни Куска ни Довеска никто в виде приведений не видел. Наверное, они реинкарнировались.

Мои мысли убрели так далеко, что я вздрогнула, услышав Вовин деловитый голос.

– Ты, малая, не дрейфь. Фигня все это. Но даже с фигней нужно быть настороже. Ты пока у нее окопался? Эй, ты где?

– Я тут, – откуда-то из недр коридора ответил хриплый голос Дэна.

– Ты пока у младенца жить будешь?

Вопрос застал Дэна врасплох. У него моя персона мало ассоциировалась с младенцем, но сопоставив все сказанное, он понял о ком речь.

– Ну да. Пока буду здесь. И пригляжу за ней. Мало ли что, – решительно ответил он, хотя вроде бы и не собирался оставаться у меня надолго.

– Это правильно. Ну, я на работу пошел. Черт, а где я штаны свои оставил?

– Они тут, в ванной, – сообщил Дэн смущенно.

Вова не соврал. Он действительно собирался что-то грузить в соседнем магазине.

Отыскав одежду, Вова как породистый жеребец, взмахнул головой, забрасывая шевелюру на спину.

– Не ссорьтесь, дети мои. Собирайте улики. Пользуйтесь презервативами. И почаще бывайте на свежем воздухе.

Переглянувшись как сообщники, мы дружно кивнули в знак согласия и заперли за ним дверь.

Дэн дернул головой, пытались скопировать Вову, но вздрогнул, поймав мой ехидный взгляд. Ну да, чтоб отрастить волосы как у Джигурды требуется много лет и терпения. А еще нужна смелость. За длинные волосы могут и в тыкву настучать. Гопота волосатиков не любит. Да и научруки к длинноволосым мальчикам относятся с подозрением. В общем, для такой прически сначала необходимо обзавестись характером. Или изрядной мускулатурой.

Демонстративно сморщив нос, Дэн кинул использованное Вовой полотенце в стиральную машину.

– Хамство. Ты захочешь лицо вытереть, а твой Вова что-то другое им вытирал, – объяснил он.

Об этом я как-то не подумала.

Теперь, когда нашествие гостей схлынуло, Дэн снова стал умником, который несет за меня относительную ответственность. Во всяком случае – на словах.

– Я сосиски сварю, – у меня от пережитых волнений разыгрался дикий аппетит, хоть сырыми их ешь.

– Свари, а я пока тебе все разложу по полочкам.

Полочек у меня было много. С соусниками, фигурками сов и всякой дребеденью, которая мне не грела душу, но выбрасывать жаль. Но Дэн совершенно ими не заинтересовался, он устроился на табурете и явно приняховался к съедобному запаху кипящих сосисок, заключенных в резиновую якобы съедобную оболочку.

– Если сложить все вместе, – медленно сообщил Дэн, – похоже, тебя заподозрили либо в разнузданной половой жизни, либо в употреблении наркотиков, либо в заразной болезни. А скорее всего – во всем сразу. И теперь будут травить как таракана. У нас так на кафедре парня одного в дурку чуть не загнали.

Его предположения не показалось мне абсурдными. Скорее – наоборот. Только банка с вареньем в его теорию ну никак не вписывалась. А еще – судя по поведению соседки, которая боялась ко мне приближаться – версия про заразную болезнь была наиболее вероятной.

– Лучше наркотики, – робко намекнула я, словно Дэн мог предоставить мне право выбора.

– Не обольщайся. Скорее всего, именно зараза. Тубик. Гепатит. СПИД. Народ ни фига в этом деле не разбирается. Страх он всегда от незнания.

Ну, тут он наврал. Туберкулез вовсе не неприличный. Он даже романтический такой. Им раньше всякие нежные барышни болели. Хотя, что я в болезнях понимаю? Правильно – ничего. Я как бабушка знаю про таблетки от головы и от жопы. В смысле – от поноса. И про обезболивающее – если зуб заболит. Других таблеток у меня никогда и не было.

– Есть еще сифилис и чесотка. Их некомпетентные массы тоже опасаются.

Причем тут массы я не поняла, на ум пришли только анализы кала и мочи, которых совсем недавно было дофига у моей двери. Отчего я здорово расстроилась и почему-то начала чесаться.

– Вот. Уже все признаки сифилиса налицо, – коварно усмехаясь, констатировал Дэн, голосом доброго доктора.

– Может, мне кровь сдать? И справку всем показывать? Ну, что я не больная совсем.

Говоря этот бред, я медленно приходила в ужас от перспективы выступить в роли дуры со справкой. Нет, я даже думать об этом не желаю. Звонить в каждую квартиру и мямлить фигну – ой, тут на меня кто-то плохо подумал, а я не такая, я здоровая, что – вы удивлены? – вам никто ничего гадкого про меня не говорил? Или – не бейте, тетенька, я вам правду говорю и взятку доктору не давала...

– Справку? Не стоит. Думаю, вскоре про тебя забудут. Ты же тут ни к кому грязно не приставала, а?

Да ни к кому я не приставала ни грязно, ни чисто. Что не помешало соседке от меня шарахаться как от чумы. Вспомнив ее лицо, я почувствовала – как мерзко, когда про тебя думают гадости, а ты даже не можешь ответить, оправдаться, доказать свою правоту.

Хорошо, что Дэн поживет со мной, одной мне не справиться.

Наверное, мои мысли подслушал кто-то зловредный. Дэну позвонила научрук. И ему пришлось срочно уйти.

Помыв посуду, я проверила почту, выяснила, что никому я нафиг не нужна, и завалилась на кровать, включив телек. Там ничего интересного не оказалось. Запоздало вспомнила, что забыла спросить у Вовы в какое время Черная графиня восходит на крышу. Ему-то повезло – он ее в окно видит, а я – нет. Представляя, как Графиня просачивается на чердак, я заснула, а, открыв глаза, никак не могла сообразить утро сейчас или вечер. Не день и не ночь точно. И сон приснился какой-то тупой. Я снова от кого-то убегала. Погоня началась в школе. Бетонные ступени лестницы, топот за спиной. Через курилку я выскочила на чердак, скользнула по крыше, перелетела на соседнюю и затаилась. Поняла, что меня видят. Причем, было неважно, кто меня преследует. Адреналин зашкаливал, примешивая к ужасу долю наслаждения. Перелетела дальше, потом очутилась на крыше с башней, которую мы называли кофемолкой, спряталась внутри. Вроде бы можно отдышаться, но тут оказалось, что в башне, недавно пустой, стоит рояль, а на стульчике, наигрывая меланхоличную мелодию, сидит кто-то, ко мне спиной. Я еще подумала – как можно затащить такую гробину в кофемолку? Музыкант резким движением ударил по клавишам и начал медленно оборачиваться. Дикий страх заставил меня отшатнуться и я вылетала в проем окна.

– Привидится же такое, – лоб был влажным от холодного пота.

Холодный сок, теплый пол под босыми ступнями, бессмысленный взгляд перестал видеть рояль, а в позвоночнике прекратилось ощущение падения. Звук телефонного звонка, как завершающий аккорд.

– Если у тебя что-то случилось – я всегда помогу. Чем смогу. Ты сама понимаешь, с деньгами у нас не очень, – добавила мама.

Наверное, у них только что закончился семейный совет. В результате которого мама решила на неслыханный подвиг – отважилась быть гуманной.

– Я здорова. У меня все хорошо. Не стоит ни о чем беспокоиться.

Хоть я и говорила чистую правду, голос звучал лживо и даже злобно. Но мама сразу успокоилась и, рассказав какие-то неинтересные новости про работу мужа, поспешила распрощаться. Обижаться на нее не имело смысла. Я хотела самостоятельности и теперь нечего прятаться под мамино крыло. Там уже муж окопался.

Сок вдруг показался мне противным. Наверное, потому что согрелся. Запихав его в морозилку, я снова схватилась за телефонную трубку.

– Ты сейчас где? – Шурик, с которым мы недавно виделись на пляже, пыхтел как никотинозависимая кобыла.

– Дома я. А что? – любезностью мой голос не блистал.

– Разговор есть. У меня такие новости – закачаешься.

По-честному, я и без его новостей покачивалась как пьяная. Не проснулась еще.

– Ты зайти хочешь? – придумывая повод избавиться от гостя, спросила я.

– Да как-то нет, – немного истерически торопливо выпалил Шурик.

– Ну, так рассказывай.

– Не по телефону. Давай у твоего дома встретимся. Я бегаю.

Он действительно бегаёт. Но не как все нормальные люди, а по делам. Если со стороны посмотреть – спортсмен. А на деле – совмещает полезное с необходимым. То есть успевает на нужные встречи и заодно набирается здоровья. Жаль, что во время остановок он еще и курит. Наверное, уравнивает полученное здоровье с вредом, чтоб достичь нормы.

– Хорошо. Я тебя во дворе буду ждать.

Шурик вообще непоседливый тип. Я однажды случайно видела, как он по мобилке разговаривает. Еще то зрелище. Около станции метро Владимирская, наверное, час бегал по площади со страшной скоростью, и при этом спокойным вкрадчивым голосом объяснял кому-то как все плохо работают, а он такой обязательный и ответственный. Спыхватившись, добавлял, что и собеседник его тоже крайне ответственный и обязательный. В общем – во всем мире только два достойных человека набралось. Один из которых – Шурик. Манипулятор, хренов.

Решив, что ради Шурика наряжаться не стоит, я вышла во двор в шортах и майке. Оказывается, был вечер. Наполненный пеклом и какой-то едкой незнакомой вонью. Словно где-то подпалили вагон шуб из искусственного меха, предварительно разрешив кошкам использовать их вместо туалета.

– Скоро. Совсем скоро случится что-то ужасное. Неотвратимо грядут беды и страдания, – Гриша, возвращаясь с работы, выглядел, будто вагоны разгружал.

– А может, обойдется? – мой вопрос огорчил Гришу.

– Нет. Не обойдется. Грядут природные катаклизмы (он это слово с явным мягким знаком сказал), землетрясения, цунами, саранча египетская, голод и эпидемии. Я уже почти подготовился.

– Наверное, в Питере ценами и саранчи не будет? – как можно дружелюбнее, предположила я.

– Не будет. Будет что-то другое. Гораздо хуже.

– Вы про конец света?

– Причем тут досужие домыслы психически больных фанатиков, – тут я заметила, что на Грише кроме сандалий надеты черные ажурные носки, – Закономерное завершение процесса необдуманного поведения человечества. Процентом десять людей выживут. Но их будут преследовать страдания и болезни.

Это были не носки. Это были бабские следочки. Почти кружевные. Я не хотела на них смотреть, но не получалось. Потому что Гриша постоянно заглядывал мне в глаза, словно пытаюсь зацепиться за мою реакцию и вывязать общение под рисунок своих следочков. Взгляд как крючок, поймает – не вырвешься.

– Но в ближайшее время нам угрожает навязывание чуждых идей потребительства. Нас вынудят покупать больше, уничтожая собственную экономику. Совместно с этой напастью произойдет обесценивание доброты и сострадания. Потому как на вершине пирамиды желаний будет водружено чуждое нам знамя.

По-честному, пока он говорил, мне страстно захотелось что-то купить. Лучше бы платье. Или новые туфли. А еще так хочется новую жилетку, я ее однажды на девушке видела. И шляпку тоже хочется. Такую – почти мужскую.

– ...останутся хозяева и рабы. И после этого мир погрузится во тьму.

– Вы про атомный взрыв? – не зная, что говорить, предположила я.

– Кто знает. Я могу только чувствовать приближение судного дня, – Гриша поднял голову, взгляделся в окна Любы и, хотя ее не было видно, помахал рукой.

Такая вот супер-вежливость.

– Вы слишком добрый и впечатлительный, – совершенно искренне сказала я.

– Ну что вы, если случится беда, на меня можно положиться.

Причем тут это? Ну, никакой логики. Когда беда полагаются на бойцов и откровенных лидеров. А Гриша даже утешить не сможет. Он только ужасы пророчит и больше ни о чем говорить не может. Иногда мне кажется, что он даже не слышит, что ему отвечают. Да и правильно желает – чаще всего его просто посылают на три веселые буквы.

Как только Гриша удалился, заявился Шурик. Как всегда с идеальной, как у школьника, прической, которую не испортили даже жара и бег.

Двор, как ринг для бокса, и мы посредине. Жаль, рефери нет. Если что – нас некому будет разнимать.

– Привет-привет. Неплохо выглядишь, только бледная.

– На загар намекаешь? – я решила, что он снова решил повеселиться над тем случаем с кремом для загара.

– Ааа, да нет. Я про другое.

Наверное, Шурик был уверен, что кино по нему скучает. Изображал лицом какие-то сложные душевные переживания и почти красовался от довольства своим талантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.